

**ТАИНСТВЕННАЯ
МОНАХИНЯ,
или
ОБИТЕЛЬ Св. КОЛУМБА.**

ИСТИННОЕ ПРОИЗШЕСТВИЕ.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

**МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. С. ВСЕВОЛОЖСКАГО:
1816.**

~~~~~  
Печаташь дозволяешся съ шѣмъ , чтобы  
по напечатаніи до выпуска въ публику,  
представлены были въ Ценсурный Коми-  
шетъ одинъ экземпляръ сей книги для  
Ценсурнаго Комитета ; другой для Де-  
партаментна Министерства Народнаго  
Просвѣщенія ; два экземпляра для ИМПЕ-  
РАТОРСКОЙ публичной Библіотеки и  
одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи На-  
укъ. Сентября 16 дня, 1807 года , книгу сію  
разсматривалъ Ординарный Профессоръ  
и Ценсоръ

ВИЛЬГЕЛЬМЪ РИХТЕРЪ.

~~~~~


ПРЕДИСЛОВІЕ

Отъ Издателя.

Я выдаю въ свѣтъ исторію, которая, несмотря на чрезвычайныя приключенія, въ ней заключающіяся, совершенно справедлива.

Бумаги, содержащія въ себѣ всѣ сіи подробности, попались мнѣ въ руки страннымъ случаемъ. Я нашелъ ихъ въ такомъ безпорядкѣ, что почти не возможно было ихъ разобрать; однако же по продолжительномъ трудѣ достигъ до того, чтобы сдѣлать понятною для чи-

пашеля всю связь сей исторіи. Впрочемъ я ничего не перемѣнялъ, ничего не поправлялъ. Графъ Стефано самъ описалъ начало сего приключенія; все остальное руки духовника, монахинь обители Св. Колумба. Что покажется недостаточнымъ и неяснымъ въ первой Части, будетъ истолковано во второй. —

ТАИНСТВЕННАЯ МОНАХИНЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПИСЬМО

*Отъ Графа Стефано къ Маркизу
Спаладзи.*

Ты гошовишься, какъ сказываюшъ, возвращишься въ свое ошечество. И безъ сомнѣнiя, первое швое старанiе будешь отыскашъ въ ономъ Графа Стефано, сего бывшаго нѣкогда другомъ, шоварищемъ швоего дѣшшсшва. . . . Ты уже не найдешъ шамъ его . . . Ужасный судъ! . . . Но я заслуживаю вѣкошорымъ образомъ бѣдшвенную свою учшсть, хопя по шраведливосши не долженъ бышъ полагаемъ въ числѣ злодѣемъ, коихъ казнъ я раздѣляю. Узнашъ о моей судьбѣ по

народному роптанію, ты усныдишься, можешъ бышь, что былъ нѣкогда знакомъ со мною . . . Ахъ! не вѣрь всѣмъ случаямъ! . . . Не слыши осудить меня съ излишнею строгостію. Ты единственный, въ памяти котораго я желалъ бы еще жишь, и дабы сохранить мѣсто въ оной, посылаю къ тебѣ почтовое и искреннее описаніе всего случившагося со мною, послѣ нашей разлуки я дѣлалъ сіи записки въ разныя времена; въ теперешнемъ моемъ положеніи, я не въ состояніи привести ихъ въ порядокъ, но ты легко въ томъ успѣешь, и увидишь по крайней мѣрѣ изъ оныхъ, что я не совсѣмъ недостоинъ твоей жалости.

Когда ты будешь читать сіи строки, то печеніе дней моихъ кончится. Смерть грозитъ поразить меня; она повелѣваетъ мнѣ готовиться за нею слѣдовать. Я могу только располагать нѣсколькими часами, и тебѣ ихъ посвящаю. Чувство новое, неизвѣстное мнѣ доселѣ, родилось во мнѣ: всѣ члены мои претрепещутъ, жилы спягиваются, нѣкій гласъ гремитъ

довольно подаешь поводъ къ разговорамъ черни; зачѣмъ представлять ей, моею казнію, новое позорище ужаса. Съ недавняго времени сшоль часто видяшь подобныя, что уже всѣ спали къ онымъ нечувствительными. Почему унижаешь еще болѣе домъ нашъ? Увы! онъ и такъ уже потерялъ свой блескъ! лучше въ тайнѣ оставить свѣтъ, переставшій помышлять обо мнѣ. Минуша разрушенія моего приближается, я не могу уже счищать часами пространство, отдѣляющее меня отъ вѣчности. Такъ прошекаетъ жизнь человѣческая; умъ нашъ занятъ тысячью различныхъ предметовъ; мы устремляемъ взоры на будущее, не замѣчая, что достигаемъ уже цѣли за которую никто переступить не можешь.

Я слышу голосъ своего духовника; онъ идетъ готовить меня къ долговременному пуши, въ который я пускаюсь. — Прощи! — Прощи на вѣки!

Другъ твой Графъ Стефано.
 Въ Замкѣ Вевіо, близъ Неаполя, 11
 Ноября 1799 года, въ день моей казни.

ЗАПИСКИ.

«Вы мнѣ знакомы; но я не могу вспомнить, гдѣ я васъ видалъ,» говорилъ я въ Венеціи одному молодому человѣку въ черномъ плащѣ и въ длинной красной епанчѣ, кошорый въ это время выходилъ изъ гондолы, и шакже приспально на меня смотрѣлъ какъ бы спараясь вспомнить черты мои.

«Вы мнѣ шакже не безъизвѣстны,» отвѣчалъ онъ мнѣ съ видомъ дружества; «и естли я не ошибаюсь, то вы Графъ Шефано.»

«А вы, какъ я думаю, господинъ Зампови.»

«Точно шакъ, Графъ, сказала онъ мнѣ, пожимая мою руку. Я очень радъ, что вы не забыли шарминаго вашего друга.»

«Мнѣ невозможно было забыть васъ; но откуда вы вдругъ здѣсь явились!»

«Тише, Графъ; вы забыли, что мы находимся среди улицы, и тысяча ушей насъ подслушиваютъ. Я побываю у васъ въ слѣдующую ночь, ибо имѣю важныя извѣстія.»

«Но знаете ли, гдѣ я живу?»

«Я постараюсь это узнать.»

и съ поспѣшностію удалился за мостъ: Мнѣ очень нужно было увидѣться съ симъ челоѡкомъ; я не сомнѣвался, чтобъ онъ не былъ въ состояніи уведомить меня обо многихъ вещахъ, но не зная, захочетъ ли онъ сказать мнѣ правду, и къ тому жъ не бывъ увѣренъ придетъ ли онъ ко мнѣ. Я постараюсь узнать вашу кварширу, сказалъ онъ оправдывая меня. Сіи слова ничего вѣрнаго не обѣщали. Бывъ погруженъ въ глубокія размышленія, я долго бродилъ по берегу канала, обѣгалъ глазами всѣ гондолы, ничего не видя. Споздъ занялъ былъ сею встрѣчею. Я догадывался, что Герцогъ Гравина проникнулъ тайну любви моею къ его дочери, хотѣя

всегда дѣлалъ видъ , что оной не замѣчаешь. Тысяча причинъ заставляли меня подозрѣвать , что онъ навлекъ мнѣ всѣ непріятныя приключенія , коихъ едва не учинился я жертвою , и которыя хоша по видимому нимаго не относились къ любви моей , но имѣли на оную величайшее вліяніе. Герцога изъ политическихъ выгодъ назначилъ дочь свою Принцу де ла Роше , однако не хотѣлъ опказати мнѣ явно въ рукѣ ея , боясь шѣмъ нарушитъ дружбу , соединявшую наши дома : дружбу для него весьма нужную. И такъ онъ притворился , что не знаешь связи моей съ его дочерью , но непримѣшнымъ образомъ старался разорвати оную. Онъ надѣялся , что со временемъ Полина воымѣетъ склонность къ Принцу , и рѣшился вступить съ нимъ въ бракъ ; но былъ увѣренъ , что представляя его въ качествѣ жениха , самъ всѣ мѣры свои уничтожитъ , ибо дочь его непременно почувствовала опвращеніе къ рушителю нашего блаженства , почему и уговорилъ

овъ Принца , скрыть свои намѣренія , и принявъ на себя видъ не искашеля , но упѣшишеля . Мы не могли избѣжашь сѣшей ихъ : поединокъ , въ кошорый вступитъ я нашелся принужден-ымъ , былъ первый шагъ ими сдѣланный для разлученія нашего . Герцогъ съ такимъ жаромъ защищаль меня въ семь дѣлѣ , что мы никакъ не подозрѣвали кова , прошивъ насъ сооруженнаго . Однако не смотря на мнимое покровительство отца моей любовницы , я долженъ былъ удалиться и прибылъ въ Венецію . Со времени пребыванія моего въ семь городѣ , вообразилъ я множество различныхъ обстоятельствъ , и началъ сомнѣвашься въ искренности Герцога .

По удаленіи моемъ отъ двора , я не получалъ никакого извѣстія , и сіе самое увеличивало во мнѣ любопытство , видѣшь Зампони , и распросить его .

День показался мнѣ несносно продолжительнымъ . Я ожидалъ приближенія ночи съ нешерѣнїемъ страшнаго лю-

бояника, и какъ скоро шемноша повсюду распространилась, то шоропилась домой.

« Вы очень къ спати пришли, сказали мнѣ мой слуга. Я чрезвычайно былъ напуганъ. »

« Чѣмъ? » спросилъ я его съ удивленіемъ.

« Вашъ башюшка сей часъ здѣсь былъ. »

« Мой башюшка! не съ ума ли ты сошелъ! »

« Нѣтъ, Графъ! я точно видѣлъ вашего башюшку, который шеперь лишь только отсюда вышелъ. »

« Невозможно. Мой отецъ находится на краю гроба. — Можешь быть нѣтъ уже его болѣе на свѣтѣ. Къ тому жь ему совершенно неизвѣстно мѣсто моего пребыванія; какимъ образомъ онъ могъ свое опкрыть! »

« Я васъ точно увѣряю, что онъ здѣсь былъ. »

« Другъ мой, ты повредился въ умѣ. »

« Клянусь вамъ! »

«Но ешья ты его видѣль, шо безъ сомнѣнїя онъ говорилъ съ побою.»

«Ничего. Онъ сѣлъ за письменный вашъ столикъ, долго писалъ, и удалился, не сказавъ ни слова.»

Побуждаемый невольнымъ движеніемъ, я, приблизился къ столику. Узнавъ почеркъ дражайшей его руки, я держалъ бумагу не смѣя вѣрить глазамъ своимъ; но по прилѣжномъ разсмаприванїи увидѣль, что шо не мечта была; началъ читать, и упалъ безъ чувствъ. Спаванїями, слуги моего я скоро пришелъ въ себя, и думалъ, что выхожу изъ мучительнаго сна, но роковое письмо удостовѣрило меня, что я находился въ заблужденїи. Оно выпало изъ рукъ моихъ во время обморока, я его поднял и многократно перечитывалъ въ чрезвычайномъ волненїи. Вошь что оно въ себѣ заключало:

Несчастный!

«Отвраща слухъ свой отъ гласа разсудка, ты гонишся за обманчивыми призраками. Ты всѣмъ пожертвовалъ

«слѣпой своей страсти, презрѣвъ прозь-
 «бы отца и благоразумные совѣты,
 «которыя моглибъ еще спасти тебя.
 «Распоргнувъ священнѣйшіе узы, ты
 «скипаешься по свѣту, не помня даже,
 «что имѣешь семейство. Продолжай! —
 «безумная шлюя дерзость приведетъ
 «тебя къ повсвой смерти—изъ вратъ
 «вѣчности, умирающій отецъ, изре-
 «каетъ проклятіе на главу твою.»

Я походилъ на челоѣка, пораженнаго
 громомъ. Сіе письмо возмущало во мнѣ
 всѣ чувства, и сердце мое сильно би-
 лось. —

«Какъ вошелъ отецъ мой?» спросилъ
 я своего слугу, успокоясь нѣсколько.

«Я сидѣлъ, ошвѣчалъ онъ мнѣ, въ
 этой комнашѣ съ книгою въ рукахъ,
 какъ вдругъ услышалъ дверь тихо ошво-
 ряющуюся; я поднялъ глаза, и увидѣлъ
 входящаго вашего батюшку.—Гдѣ мой
 сынъ? спросилъ онъ громкимъ голо-
 сомъ — Его нѣтъ дома. — Не сказавъ
 болѣе ни слова онъ сѣлъ на то мѣсто,
 гдѣ вы шеперь, написалъ нѣсколько

спрокъ , и пошчасъ удалился , продолжая хранишь молчаніе . Я слѣдовалъ за нимъ глазами до самой лѣспницы ; шущъ онъ вдругъ исчезъ , и я не знаю въ которую сторону онъ пошелъ . »

« Но развѣ ты не видаль , какъ сошелъ онъ со двора ? »

« Я потерялъ его изъ вида . »

Я не могъ выдши изъ своего удивленія : отецъ мой былъ у мѣня ! Онъ , котораго подагра съ давняго времени лишила употребленія ногъ , такъ что не иначе могъ переноситься съ одного мѣста на другое , какъ помощію кресель на колесахъ ; наконецъ , которому совершенно неизвѣстно , куда я укрылся послѣ своего побѣга . Но письмо сіе точно руки его ; невозможно никому другому столь хорошо подражать его почерку . Я выслалъ своего слугу , и шерялся въ своихъ размышленіяхъ , не въ соспоянн будучи ни на одномъ остановиться . Межь шѣмъ ночь наступила , а Зампови не являлся . Я взялъ книгу , но не въ силахъ былъ прочесть ни

спрiаницы. Я находился болѣе чепырехъ часовъ въ семъ непрiятномъ положенiи, какъ легкiй шорохъ заставилъ меня поднять глаза. Передо мною висѣло зеркало — и въ ономъ показался мнѣ образъ ожидаемаго мною чеповѣка; я съ шоропливостiю обернулся назадъ, но никого не было.

«Что вы смотрите, Графъ?» спросилъ Сампони, спойвшiй подлѣ меня.

«Я всѣ искалъ глазами.»

«Я уже здѣсь болше часу, но боялся вамъ помѣшанъ.»

«Какъ же вы вошли въ эту комнату?»

«Самымъ просшымъ образомъ — въ двери.»

«Какъ? не сдѣлавъ ни малѣйшаго шума?»

«Вы знаете, что я всегда онаго избѣгаю.»

Я васъ ожидалъ съ болшимъ нешерпнiемъ: присшунимъ къ дѣлу.

Прежде всего позволше мнѣ сдѣлатъ вамъ вопросъ: «въ безопасности ли мы здѣсь, и не можешъ ли насъ кшо подслушанъ?»

«Нѣтъ — никто.»

«Но скажите мнѣ, расположены ли вы говорить со мною искренно? Я очень знаю, что вы можете подать мнѣ всѣ нужныя свѣденія, лишь бы только захотѣли ошвѣчать прямо на мои вопросы.»

«Клянусь вамъ честію, что ничего не скрою.»

Мы сѣли на канapé, и Зампони спросилъ меня: о чемъ желаю я бышь увѣдомленнымъ. —

Вы знаете предметъ меня занимающій. — Вамъ извѣстно, что Полина дороже мнѣ моей жизни: и такъ скажите, въ какомъ онъ положеніи, что она дѣлаешь, не распроево ли ея здоровье, и сердце ея мнѣ ли еще принадлежитъ.

Вашъ куча вопросовъ, которые трудно упомнить! если вы будете продолжать ихъ дѣлать, не давая мнѣ времени ошвѣчать, то подвергнетесь опасности, останься въ своемъ невѣденіи. — Полина жива, здоровье ея, кажеться,

въ столь же хорошемъ состояніи, какъ и ваше; и если вы хотите съ нею видѣться, то переѣздъ пятидесяти двухъ миль доставитъ вамъ къ тому способъ.

«Правду ли вы говорите? а любовь ея?»

«По видимому, въ прежней силѣ; ибо портретъ вашъ находится въ ея комнатѣ.»

«Но Принцъ де ла - Роше?»

«Все еще пользуетесь покровительствомъ отца, обожаемой вами особы.» Но начнемъ наше повѣствованіе съ той минутой, какъ удалились вы отъ двора, Вы всегда щипали, что согласіе ваше съ Принцессою никому незамѣтно, но обманывались въ своемъ мнѣніи. Любовники сколь бы ни были осторожны, тысяча маловажныхъ обстоятельствъ имъ измѣняютъ. Коварѣйшая женщина при дворѣ, Маркиза Луиджи возымѣла подозрѣнія: она наблюдала всѣ ея движенія, и сомнѣнія ея обратились въ достовѣрность, когда увидѣла она вашъ портретъ на груди Полины. Черезъ нее

Герцогъ обо всемъ узналъ, и она вымыслила хитрость для разлученія вашихъ сердець, съ видомъ равнодушія начала описывать ей васъ гнуснѣйшими красками, и въ поже время вовлекали васъ въ разные проступки, въ коихъ по наружности всегда вы виновными. Наконецъ достигли предполагаемой цѣли, принудивъ васъ удалиться по причинѣ поединка, въ которомъ одержали вы верхъ надъ своимъ прошивникомъ. Принцесса долго отворачивала слухъ отъ гласа очерняющей васъ клеветы: отъ времени чувства ея стали къ вамъ ослабѣвать. Зная все происходящее, я въ молчаніи примѣчалъ за нею, и рѣшился испытать, не могу ли сохранить для васъ ея сердца. На одномъ балѣ я сѣлъ подле нее: смященіе души ясно изображалось на ея лицѣ. « Сей праздникъ не очень васъ утѣшаетъ, » сказала я ей весьма тихо. (Она узнала меня по голосу.) « Не Зампови ли вы? » Снимите маску (я повиновался.) « Вы не ошибаетесь; другъ Графа Стефан⁰

имѣеть честь говорить съ вами.» — «Какая его участь?» — Онъ спрашиваетъ и молчитъ. — Произнеся сіи слова я ее оставилъ, но увѣренъ былъ, что онъ подѣйствують, и въ помѣ обманулся. —

Нѣсколько минушь спустя, я почувствовалъ легкой ударъ по плечу; оглянувшись, и увидѣлъ молодую и рѣзкую Фрозиву, повѣренную Принцессы. «Подите въ звѣривецъ, сказала она мнѣ на ухо; вы найдете тамъ близъ водоема особу, желающую тайно съ вами поговорить.» Я пошелъ въ назначенное мѣсто, и узнавъ Полину, увидѣлъ, что догадки мои были справедливы. Вы одни составляли предметъ нашего разговора. Я открылъ ей гнусныя средства, употребленныя для разлученія вашего, и кончилъ симъ восклицаніемъ: «Сей адскій заговоръ прекратишь дни несчастнаго Графа.» — Я столькожъ, какъ и онъ спрадаю, сказала Полина, да научишься онъ, подобно мнѣ, переносишь съ швердосшію всѣ гоненія. — Я спасаюсь, чтобъ онъ не умеръ подъ бременемъ горести, когда

Узнаешь о бракѣ нашемъ съ Принцемъ дела Роче.—Никогда, никогда не получишь оныя моей руки! Знаете ли убѣжище вы вашего друга.—Нѣтъ! ибо не имѣю объ немъ никакаго извѣстія.—Когда вы оное откроете, то доставите къ нему сей залогъ моей любви. Сказавъ сіи слова, ена отпрѣзала одиень изъ Локоновъ, развѣвующихся по груди ея, и мнѣ оный вручила.—Потомъ Принцесса возвратилась въ танцовальную залу, а я спусти нѣсколько времени за нею послѣдовала.—Гдѣ же сей драгоценный даръ любезной моей Полины? — Вошь оны! — и подаль мнѣ шелковый кошелекъ: я развязала его, орошала слезами, покрывала пламенными поцѣлуями волосы въ немъ находившіеся. Замени продолжалъ: .

« Принцъ дела Роче горя неперпѣнѣемъ, видѣлъ любовь свою увѣчавною, удвоилъ гоненія. Принцесса часъ отъ часу болѣе его ненавидѣвшая, вскорѣ впала въ опасную болѣзнь. Я готовился тогда оставитъ дворъ, но она просила меня черезъ Фрозину, отсрочитъ мой отъ-

ѣздъ , дабы имѣла она при себѣ хоть одного изъ вашихъ друзей. Въ одинъ вечеръ я занимался важными письмами , какъ легкій спукъ у воротъ прервалъ мои упражненія. Всѣ мои люди уже спали : я изъ окна спросилъ , кто спучался ? Опоприте , отвѣчалъ мнѣ женскій голосъ. Я схожу въ визъ , и судите о моемъ удивленіи — когда я увидѣлъ Принцессу въ мужскомъ платьѣ. Коропкій шемвинькій сюрпукъ , желтый камзолъ , сапоги и круглая шляпа , сосставляли весь ея нарядъ , и въ семь одѣяніи она показалась мнѣ въ тысячу разъ прелесшнѣе. — Я почиталъ васъ больною , сказала , узнавъ ее. — Молчите , отвѣчала она , насъ могутъ здѣсь услышать . . . Отведите меня въ свою комнату. Лишь только мы туда пришли , то она начала такимъ образомъ : « О любезный Зампови ! спасите меня , помогите мнѣ въ моемъ бѣгствѣ ! время дорого , и я должна удалиться , какъ можно скорѣе ! » — Что побуждаетъ васъ къ такому странному поступку ? — « Любовь и ошчаяніе. » — Я не

въ силахъ видѣть въ Принцѣ супруга, хочу бѣжать, хочу соединиться съ Графомъ.—Но какъ произвешши въ дѣйствіе подобное предпріятіе? Убѣжище его мнѣ неизвѣстно; но помыслите, какимъ подвергнемся мы опасностямъ не имѣя вѣрной цѣли! безъ сомнѣнія ничего неупустишь, чтобъ открыть слѣды ваши. Принцъ и Герцогъ будутъ писать ко всѣмъ дворамъ, и не найдется шакого мѣста, гдѣбы могли мы укрыться отъ ихъ поисковъ. Что будетъ съ нами, если насъ постигнутъ? И шакъ я почишаю, что вы поступите благоразумнѣе, продолжая еще нѣсколько времени казаться больною. Какъ болѣзнь ваша неисшинная, то вы можете продлить ее сколько угодно, а я между шѣмъ постараюсь отыскать Графа. Съ завтрашняго дня отшаю столицу, и шомчасъ васъ о себѣ увѣдомлю. Заклинаю васъ, не разрушайте сами своего благополучія; возвратишесь во дворецъ. Мнѣ весьма было трудно уговорить ее къ шому: наконецъ она повиновалась гласу разсуд-

на; уступивъ моимъ прозбамъ. Вы знаете пешаевную лѣспвицу ведущую изъ дворца на площадь, находящуюся передъ шепромъ. Чрезъ нее она ушла, чрезъ нее проводилъ я ее обратно. Фоспина всхрищала насъ въ величайшемъ смященіи. «Все открыто» вскричала она: вы, Зампони поспѣшите удалиться; всѣ подозрѣнія пали на васъ, и посылаютъ освидѣтельствовать вашъ домъ. Я шоропился возвратиться къ себѣ; все еще тамъ было спокойно. Я спряхалъ свои бумаги, раздѣлся и легъ. Малое время спустя начали сильно стучать въ ворота: я притворился пробужденнымъ отъ глубокаго сна, и ничего не понимающимъ въ вопросахъ ихъ о Принцессѣ. Посланные вездѣ осмашривали, и денашедъ ничего, удалились. Между тѣмъ Полина поспѣшила лечь въ постелю, и Фоспина послала за докшоромъ, подь тѣмъ предлогомъ, что болѣзнь Принцессы усилилась. Всѣ сбѣжались къ ней, и съ крайнимъ удивленіемъ, увидѣли Полину въ постелѣ, на кошорой за нѣсколько ми-

нупъ никого небыло. Спрашивали, откуда она пришла. Но она увѣряла, что не выходила изъ своей комнаты, и казалась весьма спраждущею. Ничего не могли понять въ семь приключеніи: смятеніе и замѣшательство повсюду царствовало. Принцъ, жившій на одной споронѣ дворца съ Полиною, и перзаемый любовью и безпокойствомъ, не могъ наслаждаться своимъ: онъ видѣлъ ее выходящею, и всѣхъ встревожилъ симъ извѣстіемъ. Онъ съ клятвою утверждалъ, что не ошибся. Принцесса стояла въ противномъ, и загадка осталась нерѣшенною. На другой день Фосшина доставила ко мнѣ (извѣстіе) письмо, въ которомъ совѣщавали мнѣ осшерегаться и скорѣе уѣхать, — что я въ шопъ же вечеръ и исполнилъ.

И такъ вы узнаете что послѣдовало съ моею Полиною? — Хотя я оставилъ столицу, но не терялъ ее изъ вида. Однако же не могу вамъ дать нѣтъ свѣденій, а ручаюсь только, что Герцогъ начингешъ раскаггашся, въ обѣ-

щанія своемъ Принцу де ла Роше, и еслибъ вы находились шеперь при дворѣ, особливо сдѣлавшись послѣ смерти вашего отца обладашелемъ. —

« Что вы говорите ? развѣ отецъ мой умеръ ? давно ли ? »

« Назадъ тому шесть часовъ. »

« Вы приводите меня въ изумленіе. »

« Чтожъ тутъ удивительнаго, что больной разстался съ жизнью ? »

« Ничего—но чрезъ кого вы узнали ? »

Боже мой ! вы станете также спрашивать, чрезъ кого я узналъ, что и Полина опасно больна, что ощущающаяся въ ея выздоровленіи. »

« Полина ! не сію ли минушу вы сказывали что она въ пятидесяти двухъ миляхъ отсюда ? »

« Точно такъ ! и шеперь тоже повсюду.—Въ вашихъ словахъ такія противорѣчія, которыябъ я желалъ чтобъ вы мнѣ объяснили. Положимъ во первыхъ, что я подлинно имѣлъ несчасіе поспѣять отца моего назадъ тому шесть

« Замочи! оспановись ; мнѣ кажется , что мы не понимаемъ другъ друга »

« О ! я очень васъ понялъ. Простите ! »

« Но для имени Бога , объясни мнѣ свое намѣреніе . »

« Чтобъ предпринять оное , нужно благоразуміе ; а для совершенія попреб-но одно лишь мужество . »

« Когда такъ , то ты можешь на меня положиться. Но брать мой ? »

« Полина и всѣ богатства вашего дома , вотъ награды васъ ожидающія ! если будете имѣть довольно смѣлости . »

« Но брать мой ? »

« Шестъ лѣтъ находится онъ въ отсутствіи и никто не знаетъ что съ нимъ сдѣлалось. Вы ближайшій по немъ наследникъ ; начните тѣмъ , чтобъ вступитъ въ управленіе всѣмъ имѣніемъ : если онъ явится , то и тогда успѣете вы съ нимъ раздѣлаться. Если же навсегда онъ удалится , то вы останетесь покойнымъ обладателемъ . »

« Все это очень хорошо. Но Герцогъ? Данибе имъ слово? Принцъ? Изъяснитъ, какія должно употребить средства, чтобы всѣ сіи преняшества уничтожишь? »

« Есть тысяча средствъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ исполненіе данныхъ обѣщаній. »

« Какія же онѣ? »

« Время вамъ ихъ покажетъ. »

« Гдѣ находится Полина? »

« Навѣрное въ столицѣ. »

« Что же кошѣли вы сказать чрезъ переездъ пятидесяти двухъ миль, кошорый доставитъ мнѣ способъ съ нею видѣться? »

« Я кошѣль чрезъ то скажашъ, что въ семь разстояніи, вы можете получить дальнѣшнія свѣдѣнія объ участи вашей любезной. Я сообщалъ вамъ все что зналъ, но въ упомянутомъ мною мѣстѣ, есть уединенный загородный домъ, гдѣ хозяйка обшоятельница обо всемъ извѣщена. — Вотъ письма отъ Полины; она поручила мнѣ вамъ ихъ опдашь. Оп-

лѣчайте на нихъ, если заблагоразсудите. Завтра я самъ къ ней пишу, и вмѣстѣ съ своимъ письмомъ перешлю и ваши. Просшите!» Овъ положилъ письма на столъ, и поспѣшно удалился.

Трудно описать положеніе, въ кошоромъ я находился. Змпости удовлетворилъ любопытству моему во всемъ касающемся до Полины. Но я никакъ не могъ опградить, какіе дѣлалъ овъ планы для доставленія мнѣ ея руки. Къ шомужь брашъ мой не выходилъ у меня изъ мыслей. Я не понималъ, какъ умѣлъ укрышьясь опъ всѣхъ нашихъ поисковъ, и чрезъ цѣлые шесть лѣтъ держашъ насъ въ совершенной неизвѣстности о своей судьбѣ, щепно ломалъ я себѣ голову, все казалось для меня непоспимымъ. «Подлинно ли умеръ отецъ мой?» Лѣпа его и слабость дѣлали случай сей довольно вѣроятнымъ. Но опкудажъ взялось письмо, лежащее предомною? Я опашъ взялъ оное, и чѣмъ внимательнѣе разсматривалъ, шѣмъ болѣе утверждался, что оно шочно его рукою писано.

Уже шесть часовъ, какъ вѣтъ его на сѣпѣ,» сказала мнѣ Зѣмпови; а тогда была полночь; я возвращаясь домой въ началѣ седьмого, и узналъ отъ слуги, что бабюшка бытъ у меня за вѣсколько минутъ. Э по соспалляло ровно шесть часовъ разлуцы. Холодный потъ выступидя на ланомоемъ. Я не имѣлъ предразсудковъ; но сія записка, сей почеркъ, столь мнѣ извѣстный, все приводило меня въ нѣкоторый ужасъ, коего я не въ силахъ былъ преодолѣть. Б-зпользно стараясь выпутаться изъ сего лабиринта, я наконецъ предоставилъ времени, объяснишь сшрпанное сіе произшествіе.

Я взялъ со стола волосы и пядьмы моей Полины—разпечатала послѣднія—дожиралъ ихъ—каждое слово изображало вѣживѣйшую любовь. Я многократно ихъ перечипывала, прижимала къ своему сердцу—орощала слезами, и вознамѣрился на каждое ошвѣчать. Упражненіе сіе заняло меня до половины слѣдующаго дня. — Я долженъ былъ сооб-

щить тысячу вещей. Но когда все кон-
 чилъ, но показалось мнѣ, что обо
 многомъ еще умолчалъ. Я всѣ бумаги
 запечаталъ въ одинъ пакетъ и ожидать
 Зампони, который придетъ послѣ обѣда
 взялъ мои письма, завернулъ ихъ вмѣ-
 стѣ съ своими, написалъ на имя Прин-
 цессы, и приложилъ къ нимъ свою и
 мою печать. Потомъ сдѣлалъ еще нѣ-
 сколько обертокъ, которыя печаталъ
 одну за другою, и подписывалъ на разные
 имена. За Принцессою слѣдовала Фости-
 на, ея повѣренная; потомъ первая опер-
 ная швейца, за нею театральнѣйшій шутъ;
 ничѣмъ инымъ незанимающійся, какъ
 только своими ролями, а послѣдняя
 вадись была сдѣлана въ кантору бога-
 тѣйшаго купца, и по всѣмъ признакамъ
 казалось, что пакетъ заключалъ въ себѣ
 бумаги принадлежащія къ торговымъ
 дѣламъ. Принявъ всѣ нужныя предостро-
 жности, Зампони позвалъ одного изъ
 моихъ людей, и велѣлъ сей пакетъ
 отвести на почту. Примѣшно было,
 что онъ не расположился возобновлять
 со мною вчерашній разговоръ.

« Я спросилъ его, можешь ли онъ сказать мнѣ чтонибудь о намѣреніяхъ Принца де ла Роше? »

« Побѣжайте въ Урбано, и тамъ вы получите всѣ свѣденія, какія только пожелаеете имѣть. Особа, о которой я вчера вамъ говорилъ, лучше меня удовлетворитъ вашему любопытству. Однакожь совѣтую вамъ быть съ нею очень осторожны: она удивительная прелестница; красота ея могла бы прогнать и Ганнибала; никто не въ состояніи прошившись ея красотою; и вы конечно не встрѣчали еще женщины, которая бы имѣла подобный умъ — къ тому же она вдова — едва достигла осмнадцати лѣтъ — во всемъ блескѣ красоты — поступокъ пріятный, разговоръ очаровательный — нѣтъ — всякая женщина будетъ помрачена ею, если едва-лишь между ими сравненіе. »

« Но знаете ли она меня? »

« Не думаю, это не нужно; ваше обращеніе и знаніе свѣта заставляющъ

забывать, что вы незнакомы тѣмъ, которые въ первый разъ васъ видятъ; поговоривъ съ вами полчаса, всякій думаетъ, что уже льтъ десять имѣешь удовольствіе знать васъ. »

« И такъ вы меня къ ней представите? »

« Кажется, Графъ Стефано неимѣетъ нужды въ предостереженіи. »

« Гдѣ ея жилище? »

« Прѣзжайте прямо въ Урбино, тамъ мы увидимся, и подробнѣе обо всемъ переговоримъ. Что касается до меня, то я въ сію же ночь опрѣзжаю. »

« Къ чему такая поспѣшность? »

« Необходимость сего требуетъ. Должайшее пребываніе въ Венеціи могло бы сдѣлаться для меня пагубнымъ; прежде, нежели взойдетъ солнце, я далеко уже буду. Прощайте! мы увидимся въ Урбино. »

« Онъ ушелъ, оставя меня въ величайшемъ недоумѣніи; я зналъ его и очень былъ увѣренъ, что ему совершенно извѣстно, все до меня касающееся; зачѣмъ же отсылаешь меня къ незнакомой? »

чтобъ освѣдомиться о такихъ вещахъ, которыхъ самъ онъ могъ бы объяснить мнѣ въ двухъ словахъ? Казалось, что онъ хотѣлъ сдѣлать участниками моей тайны больше людей, нежели сколько нужда того требовала, и сіе приводило м-ня въ крайнее замѣшательство. Я впрочемъ не надѣялся ошъ сей вдовы, описаніе же сдѣланное оней, зашевелило меня спрашивая, а не желать ея знакомства. Весьма опасно раздражать любовь и гордость молодой женщины а сіе могло бы случиться со мною, если бы вошло ей въ мысль, приковать меня къ своей колесницѣ, чтобъ возторжествовать надъ Полиною; и тогда я, или Полина, учинились бы жертвою ея мщенія. Сіи причины рѣшили меня не искать свиданія съ нею; но одно обстоятельство принудило перемѣнить сіе намѣреніе.

Во время пребыванія моего въ Венеціи я познакомился съ однимъ молодымъ Грекомъ. Я зналъ только, что онъ повѣренный по торговымъ дѣламъ знаш-

вѣйшаго купца въ Рагузахъ , что онъ
 былъ два раза въ Смирнѣ и Кіирѣ , и
 недавно возвратился изъ Константино-
 поля. Нѣсколько времени спустя по
 опшествіи Зимнои , сей молодой ку-
 пель прислалъ просить меня , чпобъ я
 позволилъ ему къ себѣ прийти. Мнѣ
 нужно было развлеченіе ; и такъ я оп-
 вѣчалъ , что приму его съ удоволь-
 ствіемъ. Онъ пришелъ , и послѣ нѣ-
 которыхъ привѣстствій , казался , гото-
 вился объявить причину своего посѣще-
 вія. На лицѣ его видно было уныніе ,
 которое примѣрнымъ образомъ усуг-
 гублялось , и сіе тѣмъ справѣ для меня
 было , что я всегда видалъ его въ столь
 веселомъ духѣ , что онъ занималъ собою
 всѣ общеснча , въ коихъ я съ нимъ
 встрѣчался. « Въсь что нибудь безпо-
 коитъ , » сказалъ я наконецъ , чпобъ по-
 дѣтъ ему поводъ открыть мнѣ свое
 сердце , если онъ имѣлъ сіе намѣреніе.—
 « Вы правы, Графъ! опвѣчалъ онъ ; про-
 шите несчастнаго, дерзнушаго утру-
 ждашь васъ своими жалобами. » Счишая

васъ честнымъ человекомъ , съ ко-
 торымъ можно говорить искренно , надѣ-
 юсь , что если вы не въ силахъ будете
 помочь мнѣ , то по крайней мѣрѣ не
 употребите во зло моей довѣренности.—
 Будьте увѣрены , что мое въ вамъ рас-
 положеніе заставитъ меня сдѣлать для
 васъ все , что отъ меня зависитъ.—
 Можетъ быть я осмѣлюсь взять васъ
 за слово , сказалъ онъ съ вѣкошорымъ
 смущеніемъ ; однако если неокажете вы
 мнѣ помощи , то хотя не откажете въ
 своемъ сожалѣніи ; узнавъ о моемъ не-
 счастьи , вы сами рѣшите , заслуживаю-
 ли я и то и другое. Я никому еще не
 открывалъ своего сердца , но сего дня
 одно обстоятельство столь сильно
 возобновило во мнѣ печальное воспомина-
 ніе о моихъ потеряхъ , что мнѣ нужно
 облегчить свою душу изливъ мою го-
 рестъ предъ глазами друга. Правда , я
 подвергаюсь величайшей опасности , об-
 виня такого человека , который кажет-
 ся вездѣ имѣеть уши , во всѣхъ мѣстахъ
 въ одно время бываешь и нечувствитель-

лень ко всѣмъ наносимымъ ему ударамъ : я тѣмъ болѣе долженъ спрашиватьъ, что открываясь предъ вами, совершенно неизвѣстенъ, какая связь васъ соединяетъ съ рушицелемъ моего блаженства, и можете быть довѣренность моя предастъ меня въ руки лютейшаго моего врага; но, чтобы со мною не воспослѣдовало, я покараюсь судьбѣ своей. —

Во время пребыванія моего въ Каирѣ; я часто ходилъ въ домъ одного Кошша (*), который доставалъ себѣ пропитаніе, переписывая Арабскія и Египетскія рукописи. Онъ былъ человекъ умный, ограниченный въ своихъ желаніяхъ, и его здравый разумъ всегда приводилъ меня въ новое удивленіе. Онъ имѣлъ одну только дочь; вѣшь! это была ангель въ человѣческомъ образѣ! она

(*). Египтянинъ принявшій Христіанскую Вѣру.

помогала ошцу своему въ его трудахъ
 и занимаясь цѣлый день письмомъ ; по
 вечерамъ , вмѣсто отдохновенія , раз-
 говаривала съ нимъ о различіи нравовъ
 между народима и о естественной
 испоріи. Я часто бывала свидѣтелемъ
 ихъ сужденій , столько для меня пріят-
 ныхъ какъ : поучительныхъ. Малень-
 кій садикъ позади дома , былъ храмъ
 посвященный Природѣ , гдѣ обыкновен-
 но мы собирались ; подъ тѣнію оливко-
 выхъ и померанцовыхъ деревьевъ , при
 сладостномъ пѣніи соловья , слушала я
 изсавленія мудрости и красоты , ис-
 текающія изъ розовыхъ устъ ангела,
 противъ котораго я всегда садилась ;
 судите , Графъ ! сколько участь моя до-
 стойна была зависти межъ Копшами ,
 принявшими Христіанскую вѣру , уди-
 вленіе и спрожайшая скромность , судъ
 такіе законы , коихъ не смѣютъ они
 нарушать ; почему рѣдко можно видѣть
 ихъ безъ покрывала , и еще рѣже вы-
 ходящихъ на улицу ; мушанъ трудно
 въ нихъ приближиться , и это бываетъ

шолько въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Отецъ мой поручилъ меня сему почтенному Коцшу, и какъ дружба издавна ихъ соединяла, то добрый спярикъ принялъ съ довѣренностію сына своего пріятеля: къ помужь бывъ увѣревъ въ добродѣтеляхъ своей дочери, онъ позволялъ мнѣ видѣть ее безъ покрывала, и даже бесѣдовашъ съ нею въ его отсутствіи. — Увидѣвъ ее и полюбивъ было для меня одно; она соопшѣтствовала мнѣ равною вѣжностію, въ двѣнацать лѣтъ она уже была поразительной красоты, въ пятнадцать я поклялся ей въ вѣчной любви, и въ прелестнѣйшемъ смященіи она подала мнѣ свою руку; съ глазами блистающими отъ удовольствія, сіе небесное существо прижалось къ груди моей, и повшорило мою кляпву. О Графъ! какой день! онъ былъ благополучнѣйшій въ моей жизни! никогда я его не забуду. Въ то время Пиль всшунилъ въ свои предѣлы, и радостные крики раздавались по всѣмъ улицамъ, по всѣмъ до-

мамъ ; все улыбалось , все дышало веселиемъ вокругъ насъ ; сердце мое возносилось на небеса ; въ объятіяхъ своихъ держалъ я ангела ; чья радость, чье счастье могло съ моимъ сравниться ? Добрый Коптъ не имѣлъ никакой причины прощавиться нашей любви ; онъ одобрилъ отую , и сказалъ мнѣ , что если я получу дозволеніе отъ моего отца , то въ скоромъ времени совоулишь онъ насъ бракомъ . Тогда былъ праздникъ Святаго Василія , одного изъ величайшихъ Богослововъ Воспочныя церкви , онъ положилъ торжественно нашу свадьбу въ сей самый день слѣдующаго года . Намѣреніе его было , дать мнѣ время , чрезъ сію отсрочку усовершенствовать мое воспитаніе , и узнать , согласишься ли отецъ мой на желаніе удержатъ меня въ Каирѣ до своей смерти , составишь съ вами одно семейство , увидишь , если можно , рожденіе своихъ внучатъ , и наконецъ испустишь дыханіе въ объятіяхъ любезной дочери . Мой отецъ незамедлилъ

приняшь сіе предложеніе тѣмъ больше, что, по молодости моей, я имѣлъ еще нужду въ наставникѣ. Между тѣмъ необходимое путешествіе въ Смирну, принудило меня расстаться съ прекрасною Аурою; по возвращеніи моемъ я потчасъ явился къ будущему моему спешю, и нашелъ у него одного молодого человека, отсчитывающаго на столѣ множество золотыхъ монетъ. Я потомъ часто шухъ его, видаль, и Колшъ сказалъ мнѣ, что сей незнакомый долженъ быть членомъ Тайнаго Общества, употребляющаго большія суммы на покупку Египетскихъ рукописей; что въ отсуствіе мое онъ много на него шрудился, и щедро былъ награжденъ; что онъ кажется ему Испаліанецъ, и имѣеть въ семь городѣ другихъ товарищей. —

Я видаль его еще нѣсколько разъ въ семь домѣ; онъ всегда бралъ новыя рукописи, дорого за нихъ плашилъ, и просилъ, чшобъ ему еще оныхъ доставили. Невѣща моя шщательно скры-

валась опъ глазъ его; но должно думать, что ему наконецъ удалось ее увидѣть. Злодѣи похищили ее во время ночи! Предсавъше— ужась любовника, ошчаянне отца, лишеннаго единственнаго блага, коимъ дорожилъ онъ! — Ярость его превышала мѣры! — Я самъ едва не пошерялъ разсудка! —

Мы согласились бы ошдаться все свое имѣнне, чтобъ только возврашше ее, но наши поиски ошщались безуспѣшны: никто не могъ насъ о ней увѣдомить; никто не видалъ ея хищника. Горестъ о пошерѣ милой дочери, прекращила дни злополучнаго сшарца. Я самъ не хотѣлъ долѣе жить въ Клирѣ, гдѣ все разсправляло мои равы; и шакъ сѣлъ на корабль, профхалъ весь Восшочный Океанъ, ошпанавливался въ каждой гавани, былъ въ Смирнѣ, Неаполѣ, Гендѣ, Марсели; но нигдѣ не нашель слѣдовъ ея. Наконецъ не задолго предъ симъ, встрѣшилъ я въ Римѣ съ однимъ переводчикомъ, котораго зналъ въ Каирѣ, и часшо видалъ въ домѣ Кошша; я

извѣстилъ его о своихъ несчастіяхъ, и увѣдомился ошъ него, что Зампони, (такъ называется извергъ похищившій мою любезную) продалъ ее за дорогую цѣну одному знатному господину, что сей господинъ на ней женился, и живешъ съ нею въ деревнѣ въ совершенномъ согласіи; но почиая предразсудки, не представляешъ ее ко двору для того, что она не благороднаго произхожденія; а что самъ Зампони долженъ бышъ въ Венеціи. —

Онъ въ поже время описалъ мнѣ его самымъ опаснымъ челоукомъ: «Будте оспорожны, примолвилъ онъ, сей Зампони членъ общесіва сославленнаго изъ людей повсюду наносящихъ ужась; у него шпіоны, и въ одно мгновеніе онъ можешъ погубишъ васъ. Скрывайше причины вашего путешесствія, а иначе навлечете на себя величайшія бѣдствія.» Сіи извѣстія умвожили еще мое олчаяніе. —

Я пріѣзжаю въ сей городъ, чтобы сыскашъ сего злодѣя. — Вчера узналъ я

его гуляющего съ вами по берегу канала. Сего дня видѣль оныиъ , что сей гнусный - рушитель моего счестія и спокойствія , шель къ вамъ. Черты его слишкомъ мнѣ извѣстны , чтобы могъ я ошибиться. — Опавчайте же мнѣ искренно : онъ ли епо ? — Такъ ! мой другъ ! ты не ошибся. — Я точно былъ въ шель увѣренъ : у воротъ вашихъ онъ вечно на меня взглянулъ , и пребылъ неподвиженъ : какъ бы громомъ пораженный ; смертная блѣдность покрывала лице его , на кошоромъ ясно изображаешся злодѣйская душа ; одумавшись не много , онъ вдругъ кинулся въ домъ вашъ ; по выходѣ изъ онаго , глаза его опять встрѣпились съ моими ; безъ сомнѣнія онъ прочель въ нихъ горестъ и бѣшенство мною обладавщія , и удалился скорыми шагами. — Другъ ли вы его , или поварищъ ; но я не могу скрыть предъ вами моего о немъ мнѣнія. Это чудовище , изверженное адомъ на пагубу людей , нечувствительное ко гласу совѣсти ; о ! онъ не избѣгнешь

казни его ожидающей. Я предаю его мщению небесъ; да постигнешь мое проклятіе сего злобнаго Каннибала (1), произвшаго сердце добродѣтельнаго старца, и можешь бышь развращившаго невинную Лауру! «Гдѣ онъ? покажи-те мнѣ его жилище, и хочу идти къ нему, хочу. . . .»

«Остановись молодой человекъ! за-пальчивосшію своею ты можешь все испоршить; выслушай меня со внима-ніемъ: я самъ давно подозрѣвалъ Зам-пони въ дѣлахъ подобныхъ тѣмъ, коими ты его обвиняешь; я самъ слышаю его бездѣльникомъ, но мнѣніе мое ничего еще не доказываетъ. Давеча сдѣлалъ я въкомнорое открытіе, которое можешь бышь до тебя касаться; Зампони ска-залъ мнѣ, что въ сію самую ночь вы-ѣдешь изъ Венеціи, и я полагаю, что встрѣча съ тобою его къ тому по-

(1) Дикій Американскій народъ, пожира-ющій подобныхъ себѣ.

буждаешь ; онъ обѣщаль мнѣ увидѣться со мною въ Урбино , и тамъ представить меня одной молодой женщинѣ , отъ которой долженъ я получить нужныя для меня свѣденія : она по описанію его , чрезвычайно хороша собою , ошмѣннаго ума , была женою какого-то Графа , но недавно овдовѣвъ , живешь въ уединенномъ загородномъ домѣ , и имѣешь отъ роду осьмнадцать лѣтъ .

« Великій Боже ! это она . . . она ! » вскричалъ молодой Грекъ .

« Я самъ то же думаю , и очень радъ что узналъ вашу исторію ; можешь бышь я обстоятельнѣе обо всемъ развѣдаю . . . намѣреніе мое принято . »

« Ахъ ! скажите Графъ , что можете , что хошите вы для меня сдѣлать ? »

« Я опираюсь въ Урбино , увижусь съ Зампони , и поѣду въ назначенный замокъ , конечно найду я случай разспросишь Графиню о подробностяхъ ея жизни ; вы между тѣмъ будьте въ окрестностяхъ ея жилища ; и если она

ла, которую вы ищете, по по первому, поданному мною знаку, лепите въ ея объятія.»

Молодой Грекъ, въ восхищеніи, кинулся ко мнѣ, прижималъ меня къ своему сердцу, омочалъ слезами, надежда блистала въ глазахъ его; онъ умолялъ меня, не теряя времени, ѣхать въ Урбино, чтобъ оковчить его неизвѣстность, и клялся хранить обо всемъ венарушимое молчаніе, а если будетъ нужно, служить мнѣ съ опасностію жизни.

Уже очень было поздно, когда мы разошлись; я повторилъ ему обѣщаніе свое употребилъ все возможное, чтобъ возвратилъ ему спокойство, и положилъ отправиться въ путь въ слѣдующій день. И такъ я рѣшился ѣхать въ неизвѣстный мнѣ загородный домъ. Назавтра уложивъ рано свои чемоданы, тайно оспавилъ Венецію. Прибывъ въ Урбино, вездѣ освѣдомлялся объ иностранцѣ, который путь долженъ былъ ожидать меня; но не знали никого, кто бы имѣлъ

хотя малое сходство съ Зампони. Я уже считалъ его изъ города уѣхавшимъ ; какъ вдругъ вынимая плашокъ изъ кармана , увидѣлъ выпавшее письмо. Я поднялъ оное и прочелъ слѣдующія строки :

« Я ожидаю васъ въ сей вечеръ у входа
« лѣса, находящагося за полмили отъ го-
« рода, въ Западной сторонѣ.

Зампони. »

« Какъ явилось сіе письмо въ моемъ карманѣ , спросилъ я своего слугу ; онъ отвѣчалъ , что ничего о томъ не знаетъ ; я настоятельно требовалъ объясненія , но онъ клялся мнѣ всѣми святыми , что совершенно не извѣстенъ , откуда оно взялось. »

Какъ скоро увидѣлъ , что солнце началось спускаться , по оставя городъ , пошелъ въ лѣсъ , черезъ нѣсколько послѣ меня вынупъ явился и Зампони : вы очень исправны сказалъ онъ мнѣ , но увидите , что я съ такою же почтостію исполню свои обѣщанія ; сшудайте за

мною — и пошелъ далѣе въ лѣсъ. — Солнце бросало еще слабыя лучи на вершину деревъ, и я спокойно слѣдовалъ за своимъ пупеводшелемъ. Онъ шелъ большими шагами, и безпрестанно ихъ удвоивалъ шагъ, что едва могъ я за нимъ поспѣвать. Мы часъ отъ часу далѣе уходили въ лѣсъ; не видно было ни одной проложенной пропинки; въ каждомъ шагу останавливались насъ шерновникъ. Куда мы зашли? спросилъ я Змюки. — Не бойшесъ ничего, мы скоро выйдемъ. Но лѣсъ спланился гуще, дорога вся была покрыта хворосшомъ, ночь мрачная, и въ самомъ маломъ распоянїи не лзя было различать предметовъ. — Для имени Бога, просилъ я, скажи, куда ты меня ведешь? Онъ хранилъ молчаніе, и одинъ отголосокъ отвѣчалъ на слова мои. Между тѣмъ поднялся холодный вѣшеръ и частая молнїа возвѣщала приближеніе бури. Вѣшеръ съ каждою минушою усиливался, крикъ совъ и филиновъ, шрескъ грома присоединился къ его рѣзу. Я еще звалъ своего проводника, но гро-

мовый ударъ заглушилъ мой голосъ, всѣ лѣсныя птицы пробудились, и робко порхали по деревьямъ; вороны каркали; вдали слышны были вой ячущихъ волковъ; густой мракъ окружалъ меня; я находился въ срединѣ кустарника и никакъ не могъ изъ него выпутаться, а товарищъ мой совсѣмъ исчезъ. Гроза же не уменьшалась, вѣтръ съ шумомъ пошрясалъ деревья, крупный дождь обливалъ меня; всѣ стихіи, казалось, соединились, чтобы разрушить вселенную; положеніе мое было ужасно.

Болѣе двухъ часовъ тщетно стараясь я выдраться изъ кустарника, наконецъ примѣнилъ вдали свѣтъ. Гдѣ есть огонь, подумалъ я, тамъ должны быть и люди, и собралъ всѣ свои силы, чтобы приблизиться къ сему свѣту. Я трудился еще съ часъ, и наконецъ нашелъ прощину, которая вела къ тому мѣсту, откуда проеждилъ огонь.

Буря продолжалась съ тою же жестокостію; я внутренно благодарилъ небо, что вызело меня на проложенную

дорогу, но скоро бы опять оную потерялъ, если бы огонь, съ котораго не спускалъ я глазъ, не служилъ мнѣ путеводителемъ. Черезъ полчаса съ крайнею радостію увидѣлъ я себя въ лѣса, и въ маломъ разстояніи представился мнѣ замокъ; изъ оконъ онаго мелькалъ огонь, за коимъ я столь долго гонялся. Дождь не преспаивалъ мочишь меня, и я удвоилъ свои шаги.

Не оставляя дороги выведшей меня изъ лѣса, я дошелъ наконецъ до запертыхъ воротъ; оцупывалъ стѣну, и цѣль отъ колокольчика попалась мнѣ подъ руку, я тотчасъ за нее дернулъ. Спорожь закричалъ сердитымъ голосомъ: «Кто издумалъ придти сюда въ такое позднее время?»—Заблудившійся путешественникъ, пребующій убѣжища отъ бури, отвѣчалъ я ему.—Ворота отворились, и я вошелъ на дворъ, онѣ тотчасъ сами собою заперлись. Я никого не видѣлъ, ничего не слышалъ; новое безпокойство овладѣло мною; я не зналъ, гдѣ находился, и въ какія вилъ руки; глу-

Болѣе молчаніе повсюду цѣрствовало. Я звалъ приворошника, но никто не откликался. И такъ рѣшился я приблизиться къ дому, и укрыться отъ погоды, хотя подъ сараемъ, если не найду удобнѣйшаго мѣста. Продолжая идти вдоль стѣны, я нашелъ опворенную калишку, и переступивъ нѣсколько шаговъ, почувствовалъ, что нахожуся на краю ямы, хотѣлъ воропыться къ калишкѣ; но сползнулъ внизъ по длинной лѣстницѣ. Опраясь отъ своего паденія; увидѣлъ опворяющуюся дверь; въ которой показалась спаруха въ бѣломъ платьѣ и съ вочникомъ въ рукахъ. Она погрозивъ мнѣ пальцомъ, проворчала сквозь зубы: за чѣмъ ты пришелъ сюда негодный? поспревожись меня? пошелъ вонъ! и захлопнула дверь. Я съ торопливостію побѣжалъ по лѣстницѣ, опыскалъ калишку, и нашелъ крышное мѣстечко: лосшоявъ тушь не много, началъ кругомъ ощупывать, и увидѣлъ себя внизу новой лѣстницы. Въ надеждѣ съ кѣмъ нибудь встрѣшиться, я рѣшился идти

вверхъ по оной. Сквозь отверстіе дверей усмотрѣлъ огонь, подошелъ ближе, приложилъ ухо къ замочной скважинкѣ, и услышалъ слѣдующій разговоръ:

«Нашочилъ ли шы ножи?» Нашочилъ, и такъ воспро, что они рѣжашъ какъ бришва. — Славно; завтра по ушру много прольемъ мы крови.»

Пусть судьяшъ какое дѣйствіе произвели надо мною слова сіи. Я съ ужасомъ отскочилъ назадъ бывъ увѣренъ что нахожусь во власши разбойниковъ. Вдругъ сверху лѣстницы услышалъ голосъ меня зовущій: «Куда вы спрятались? Я давно уже васъ ищу.» И въ тоже время увидѣлъ я молодого чело-вѣка въ провожаніи двухъ слугъ несущихъ фонари. Подожди ко мнѣ, онъ сказалъ съ учтивостію: «Наконецъ я нашель васъ.»—Для имени Бога, ошвѣчалъ я препенущимъ голосомъ, выведише меня изъ сомнѣнія, въ какія попался я руки? «Что за вопросъ? Вы очень въ добрыхъ рукахъ, ибо находишесь въ замкѣ Графини Бельфіори, и можешъ

быть увѣрены въ хорошемъ пріѣмѣ. Извольте за мною слѣдовать.» Онъ провелъ меня чрезъ прекрасную залу въ небольшую комнату со вкусомъ убранную. Тамъ меня раздѣли и все на мнѣ переѣмили; такъ какъ дождь несквозь промочилъ мое платье, то чистое бѣлье весьма для меня было пріятно. Потомъ оставили меня одного, и я осмотрѣвъ свою комнату, крайне былъ ею доволенъ.

Между тѣмъ буря утихла, и показался мѣсяцъ; я подошелъ къ окну, изъ котораго видѣнь былъ обширный дворъ, окруженный строеніемъ, изъ оконъ мелькалъ огонь, но большая часть не была освѣщена. Содержанія тишина царствовала во всемъ замкѣ. Молодой человекъ приведшій меня въ сію комнату вскорѣ возвратился и сказалъ мнѣ: «Когда встрѣтился я съ вами, то на лицѣ вашемъ примѣрно было смущеніе; Графиня употребляетъ въ сирваніи, чтобы гости ея были довольны службою людей; и шакъ объясните что

значили ваши слова? не сдѣлали ли вамъ кто непріятности?» Я пересказала ему слышанное мною, онъ улыбнулся. — Запра подлинно прольется много крови: люди, говорившіе это, мясвики, и прѣхали сюда бишь свиней на соленье. — «Но зачемъ приворошникъ оставилъ меня одного среди двора?» — Онъ чловѣкъ очень проспым, онперевъ вамъ ворошпы, прѣбѣжалъ меня о томъ уведомить. — «Гдѣжъ этошъ незнакомыи,» спросилъ я его. — «Не знаю,» отвѣчалъ онъ, я оставилъ его внизу, и вѣрно онъ и безъ меня изидеть лѣшницу. «Я долго понапрасну васъ искалъ, и наконецъ вчаявно увидѣлъ.»

— Я пересказала также ему свое паденіе и встрѣчу съ старухою. Это наша ключница, говорилъ онъ: женщина глупая, суевѣрная и трусливая. Когда поднимется гроза; то она прячется въ погребъ; и сего дня услышавъ громъ убѣжала въ обыкновенную свою нору, чтобъ тамъ молиться Богу; а какъ въ цогребѣ не шакъ слышна буря, то

она и считаешь себя въ безопасности. Увидя васъ, она вѣрно подумала, что кто нибудь изъ служителей замка, пришелъ поужашь ее, и надъ нею во-смѣяшьяся, что часто бываетъ. Однако вы должны имѣть нужду въ покоѣ, и такъ я васъ оставляю, а завтра буду имѣть честь представить васъ Графинѣ. — Сказавъ сіе, онъ удалился, а я легъ въ постелю. Усталость и страхъ такъ силы мои ищощили, что я пошчасъ заснулъ, и на другой день очень поздно пробудился. Буря прошедшей ночи оживила всю природу: время было прекрасное. Я размышлялъ о случившемся со мною, и не могъ понять, какія причины побудили Зампонн къ столь странному пошупку; ибо я не сомнѣвался, чтобъ замокъ сей не принадлежалъ той самой Графинѣ, о которой онъ мнѣ говорилъ, и все сказанное слугою о своей госпожѣ, доказывало мнѣ справедливость моихъ догадокъ.

Ко мнѣ принесли плашье мое съ шакимъ раченіемъ высушенное, что не

видно было на немъ ни малѣйшихъ слѣдовъ вчерашняго непріятнаго приключенія. Я просилъ человѣка, помогавшаго мнѣ одѣваться, доложить обо мнѣ Графинѣ, и изъяснить ей мою благодарность за данное убѣжище. Онъ спросилъ мое имя и пошелъ къ своей Госпожѣ. Желаніе — узнать, чѣмъ все это кончилось, подлинно ли шакъ хороша Графиня, какъ мнѣ ее описывали, не польстили ли ей Земпони, не прибавилъ ли чего молодой Грекъ; все это бродило у меня въ головѣ; я забывалъ о прошедшемъ, и занимался только будущимъ. — Графиня съ удовольствіемъ васъ приметъ, сказала мнѣ возвращавшійся слуга: она ожидаетъ васъ, чшобъ вмѣстѣ напишья шоколаду, пожалуйста за мною.

Онъ повелъ меня черезъ самую шу залу, по кошорой мы шли наканунѣ, отворилъ большую дверь, и впустилъ въ длинный коридоръ, но сшоль узкій, что двумъ человѣкамъ не лья было рядомъ идти. Тутъ сошли мы по лѣст-

шице въ великолѣпную галерею, по-
пысь проходили чрезъ множественно ком-
натъ съ опшѣннымъ вкусомъ убран-
ныхъ, и я замѣтила, что сія ч снъ
замка недавно выстроена. Чѣмъ
далѣе мы шли, тѣмъ любопытство
мое возраспало; желая скорѣи удовле-
створить оному, лишь только чело-
вѣкъ отворилъ какую дверь, я поспѣшно
подкался впередъ, но надежда моя
всегда была обмануша. Наконецъ остано-
вился онъ у маленькихъ дверей, отво-
рилъ ихъ, и просилъ меня войти. Моло-
дая Гр:финя сидѣла на софѣ обитой
черною матеріею; всѣ уборы въ комна-
тѣ погожъ были цѣпа. Платье черное
же закрывало ее отъ ногъ до самой
шеи; сѣпшярусые волосы, завивые
природою, небрежно были раскинуты
по плечамъ и груди ея.

Я ожидалъ видѣть красавицу; но сколь
воображеніе мое ниже было, подлинни-
въ! она средняго роста; прелепный
спанъ, но не совсѣмъ еще сложивши-
ся, означала ея молодость, и казалась

общалъ, что она еще выростетъ. Щеки ослѣпительной бѣлизны, покрывались вѣжвою розовою опшѣнкою. Цвѣтъ губъ ея превосходилъ красоту короля. Не лъзя было смотрѣть на томные голубые глаза ея, неощупивъ чувствнаго сладостнаго, но кошорое опишать невозможно. Темныя брови, расположенныя дугою, придавали лицу ея видъ величественный. Никогда не видывалъ я столь прекрасной шеи и рукъ. Изъ подъ длинной черной ея одежды, выглядывалась маленькая ножка, заключенная въ шелковый чулокъ, обильною подобной свѣту.

Волосы вѣнчающіяся вокругъ ея лица, прибавляли еще новыя къ одному пріятельности. Улыбка лепечущая на устахъ ея, казалось, обвиняла во лжи шрегательные взоры, въ коихъ изображалась тихая задумчивость. При воззрѣніи на нее, я почувствовалъ себя привлекаемого къ ней непреоборимою силою. Увидя меня она вспала съ своего мѣша, и поклонилась съ незъяснимою пріятельностию.

Я ни слова не могъ произнести, но она помогла мнѣ выдти изъ сего замѣшательства припворясь, что онаго не примѣчаешь, и спросивъ меня съ крошкою улыбкою, спокойно ли вы спали? Я старался преодолѣть свое смущеніе, чтобы отвѣчать ей; за однимъ словомъ послѣдовало другое, и скоро начался между нами пріятный разговоръ. Благородныя выраженія, острый умъ, обворожающій звукъ голоса, и прочія совершенноства, казалось, давы были ей природою на то, чтобы покоряласьъ сердца: она мало говорила о самой себѣ, и я незамедляль усмотрѣшь, что она ни малѣйшаго не имѣла понятія ни обо мнѣ, ни о сношеніяхъ моихъ при дворѣ.

И такъ видя себя обманутымъ въ своемъ ожиданіи, я гошовился съ нею просишься, но не имѣль къ тому силы; тайная прелесть удерживала меня въ замкѣ Графини; къ тому жъ и сама она съ ласкою приглашала меня съ собою ошобѣдась. Въ назначенный часъ слуга

вошелъ доложишь, что кушанье Гошова, я подавъ руку Графинѣ, и сквозь ап- лась чувствовала я, какъ грудь ея по подымалась, по опускалась . . . я была въ себя . . . Мы вошли въ прекрасную столовую комнашу, и я сълъ запрошивъ ее. Не знаю какія блюда намъ подавали, но всё казалось мнѣ амброзією, а вино подносимое ею нектаромъ. Я горѣлъ уже любовію; присутствіе Графини воспламеняло во мнѣ всю кровь, и вмѣстѣ съ виномъ, огонь вливался въ мои жилы. Я потерялъ употребленіе всѣхъ чувствъ, кромѣ зрѣнія; не зналъ, ни гдѣ находился, ни что дѣлалъ. Послѣ обѣда намъ подали вкусный десертъ; потомъ пошли мы прогуливаться въ звѣринецъ, но я не умѣлъ описать онаго расположеніе; во всей природѣ видѣлъ одну только Графиню; всё другіе предметы мелькали въ глазахъ моихъ, не останавливая ихъ на себѣ. Графиня занимала всю мою душу. День, въ который увидѣлъ я въ первый разъ Полину, былъ прекраснѣйшій въ моей жизни; но впечат-

плѣніе , произведенное во мнѣ Лаурою ;
 было въ тысячу разъ сильнѣе : въ одну
 минуту овладѣла она всѣми моими чув-
 ствами . Я позналъ , что обожаемая
 женщина приводитъ своего любовника
 въ нѣкоторый родъ изступленія ; могу-
 щество ея столь велико , что онъ
 предъ нею слабѣе младенца . . . Полина ,
 Зампони , все было забыто ; Лура за-
 ступила мѣсто всѣхъ . Мы завели разго-
 воръ о дружбѣ . Сколь правильны были
 сужденія ! каждое выраженіе доказывало
 силу разсудка и чистоту души ея
 Каждое выраженіе глубоко вѣзвывалось
 въ мое сердце . Какую прелесть при-
 даяло дружескому уша ея сошворенныя
 для любви ! мы говорили о тѣхъ людяхъ ,
 коихъ разрушающая сила въ одну мину-
 ту разрываетъ узы сплетенныя для
 вѣчности . Графиня задумалась . Размышле-
 нія наши обратилось на привязанность
 между дѣтьми разнаго пола , которая
 часто переѣняется въ любовь , и въ
 молодой пріятельницѣ являеть со време-
 немъ любовницу и супругу . Графиня

вздохнула. А я продолжалъ: къ несчастію иногда незнакомецъ разрываетъ еердечную сію связь, и влечетъ юную жертву къ ошарю.—Слеза выкапилась изъ глазъ Графини—Что съ вами сдѣлалось, Графиня! спросилъ я ее съ вѣжливымъ участіемъ. «Ничего! Но слова ваши напомнили мнѣ съпливые дни моего младенчества, и .. поргли слезу, мнѣ измѣнившую; я же имѣю причины стыдиться нынѣшняго моего положенія, но оно было для меня испочникомъ бѣдопавъ. Какъ вы думаете, изъ какой я земли?» — Не во всякой можно найписполь протгательную красоту, какъ ваша.—«О! вы очень вѣжливы! и я бы весьма желала сдѣлать вамъ споль же лестнымъ отвѣпъ, но по несчастію состояніе не позволяеть за привѣстній плашить тѣмъ же. Однако, оставя шулку, скажите мнѣ, въ какой землѣ думаете вы родилась я!» — Можеть быть во Франціи.—«О! вѣпъ, гораздо дайте! — Въ Драмцѣ! — Рце по дель!» — Въ Греціи, и вѣроптно въ Кандіи! — «Вы конечно никакъ не ошва-

даеше ; но я избавлю васъ отъ безпокойнаго шруда : Египеть есть мое ошечество. Вы удивляешесь , смѣешесь. Точно шакъ ! я изъ Египша ; Каиръ былъ мѣстомъ моего рожденія. Чшожь шупь спрашнаго ? Не имѣю ли я сходшви съ Египтянкою Каиною ? Подобно ей , слезы часто орошающъ лице мое ; подобно нашему Нилу , онѣ не рѣдко выступаютъ изъ своихъ предѣловъ.

Такъ , Графъ ! я родился въ Каирѣ ! Отець мой былъ ученый , или , лучше сказать , переписывалъ книги , что почти одно значить , если его сравнить съ нынѣшними учеными , кощорые списавъ чужія сочиненія , выдающъ ихъ подъ своимъ именемъ ; но отецъ мой не позволялъ себѣ сей послѣдней вольности : онѣ списывалъ для другихъ и шѣмъ доставлялъ себѣ безбѣдное содержаніе ; ибо печатанье книгъ еще неизвѣстно въ Египтѣ. Обыкновенные переписчики не имѣютъ иныхъ рукописей кромѣ алкорана , басень Локмана , молшвенниковъ Кошмовъ , псалтыря и

житія свяшыхъ ; и потому у нихъ мало поупщиковъ. Есть у нѣкоторыхъ и другія сочиненія , но это очень рѣдко бываетъ. Опець же мой имѣлъ случай доспашь самыя древнія рукописи, весьма уважаемыя Европейскими учеными. Вы сами должны знать, сколь любопытно имѣть подобныя. Большея часть изъ нихъ ищутъ только въ оныхъ составляемаго языка , для познанія древнихъ нравовъ ; и я счишаю сей трудъ достойнымъ похвалы, а принимающихъ оный щедро вознагражденными. Но многія надеются обрѣсти въ сихъ темныхъ сочиненіяхъ сокровенныя науки ; приво-сиде ли имъ трудъ сей какую пользу, и подлинно ли почерпаютъ они съ тѣхъ книгъ тайныя познанія ; сего въ качествѣ женщины я не осмѣлюсь рѣшить.

Опець мой совершенно зналъ всѣхъ древнихъ, сочинителей. Писаніе Кошмовъ, Сириевъ, и даже гіероглифическія знаки столь же были извѣстны ему, какъ и Арабскія буквы. Сіе познаніе и рѣдкія рукописи, которыя имѣлъ, составляли

для него важный капиталъ, и приносили большіе проценты. Всѣ Европейскіе путешественники обратились къ нему, и дорого платили за труды его.

Въ воспитаніи моемъ, онъ старался внушить въ меня скромность и семейственныя добродѣтели. Ему обязана чистотою моего сердца и спокойствіемъ совѣсти, твердостію, съ которою переносила всѣ бѣдствія, и любоію моею къ добродѣтели: до сего времени же преступала наставленій его даже въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Онъ тщательно скрывалъ меня отъ глазъ иностранцевъ, коими домъ нашъ безпрестанно почти былъ наполненъ; никогда непереходили они за порогъ его учебной комнашы; во сынъ одного Греческаго купца, въ которомъ родители мой во время своихъ путешествій нашель помощника, и друга прибыль въ Каиръ по торговымъ дѣламъ. Отець мой желая заадапиль ему за одолженія, полученныя имъ отъ сего

семейства, принялъ его къ себѣ въ домъ. Я увидѣла скромнаго, добраго Ницефера, и полюбила его. Нравъ его былъ еще непороченъ, и мы жили какъ братья съ сестрою. Отецъ мой видѣлъ начало сей любви, и не препятствоваль оной. Но я сокращу свое повѣствованіе, чѣмъ не обременять васъ бесполезными подробностями. Насъ обручили въ праздникъ сятаго Василія, и назначили заключить бракъ въ самый сей день слѣдующаго года. Ницефоръ вѣжво любилъ меня; я все свое счастье въ немъ полагала. Въ сіе время случай привелъ къ намъ незнакомца.... нѣтъ! чудовище! и я вѣчно должна проклинать пагубный день, въ который предсталъ онъ къ отцу моему. Онъ объявилъ о себѣ, что онъ членъ одного тайнаго общества въ Европѣ, и имѣлъ порученіе скупить всѣ древнія рукописи. Я узнала потомъ, что онъ назывался Зампони, и былъ родомъ Испаліанецъ. Отецъ мой получилъ отъ него большія суммы денегъ, но злодѣи по-

хищилъ драгоценнѣйшее его сокровище, предпочищаемое имъ всему богатству Индіи, меня, единственную дочь его.

Недобно думать, что онъ нещелъ способъ меня увидѣль, но не знаю, какимъ образомъ могъ до того достигнуть, и полагаю, что кто либудь изъ людей нашихъ былъ имъ подкупленъ.

Ницефоръ оплучился за вѣкоторымъ дѣломъ. И вѣроломный Зампови ворвавшись ночью въ домъ нящъ, испоргнувъ меня изъ онаго опкрыстою силою: я хотѣла звать къ себѣ на помощь, но мнѣ зажали ротъ, связавъ руки и ноги. Я была увлечена какъ жертва беззащитная, и не знаю, что попомъ послѣдовало со опцемъ моимъ и Ницефоромъ, ибо не имѣла о нихъ никакого извѣстія. . . . Боже мой! безъ сомнѣнія родители мой уже болѣе не сущесивуетъ? Горестъ о потерѣ моей должна была прекрашъ дни его, ношому что я все для него соспавляла, А Ницефоръ! можешъ бышъ и овъ уже не въ числѣ живущахъ. Гнусный Зам-

пови отвелъ меня въ домъ, принадлежащій разбойнику одной съ нимъ шайки; я хотѣла бѣжать, но онъ принудилъ меня остаться и грозилъ заколотъ, если испущу я хотя маленькой крикъ. Тщательно обнимала его колѣна, тщательно омывала его ноги своими слезами ничто не могло провуть вѣрской его души адская радость блистала въ глазахъ его онъ предложилъ мнѣ пищу, но я отказалась принять оную.

Я рѣшилась избѣгнуть рабства допусшивъ себя умереть съ голода: во въ четвертый день, природа одѣжала верхъ надъ опчяніемъ, и я вкусила пищу. Дьявольская улыбка показалась на лицѣ Замони, когда онъ увидѣлъ, что природа превозмгла мое упорство. Онъ вывезъ меня изъ Каира въ самую темную ночь, и заключилъ въ повозку со всѣхъ сторонъ закрытую. Въ ней наша я другія подобныя мнѣ жертвы, и могла оплакивать съ ними общее наше несчастье. Число проводниковъ нашихъ умножилось, и въхавъ вѣсколько дней

сухимъ путемъ , наконецъ выпустили насъ изъ кареты. Въ длинныхъ покрывалахъ приведенны мы были на корабль , переплыли Ниль и всѣ каналы , въ оной впекающіе , попомъ моремъ продолжали путь свой , и наконецъ вышли на берегъ въ Венеціи. Насъ ввезли въ городъ во время ночи , и для жилища нашего была назначенъ домъ на самой глухой улицѣ : тамъ каждой изъ насъ дали особенную комнату , и богатую одежду. Я уже болѣе не видала ни одной изъ своихъ подругъ ; ибо спустя нѣсколько дней привели ко мнѣ молодого челоука пріятнаго вида : онъ со вниманіемъ меня разсматривалъ , я ему понравилась ; и онъ купилъ меня у Заппони. Я считала себя рабою , опредѣленною служить забавою для своего Господина , и впала въ опчленіе. Графъ Бельфіори сжалился надъ моею горестію , онъ отвезъ меня въ удивенный замокъ , и оставилъ плакать на свободѣ. Я не могла упрекнуть его ни въ малѣйшей невольности , онъ употреблялъ всѣ спара-

віа , чшобъ мнѣ понравилсья , и вѣ-
клонить къ себѣ сердце мое. Чрѣзь нѣ-
сколько времени открываая мнѣ любовь
свою, онъ примолвилъ слѣдующее : Бы
единственнаа жевщина , кошорая мо-
жетъ сосланишь мое благополучіе , и
если прогаеть васъ иѣжностъ моя , шо
согласитесь приняшь мою руку. « Не огра-
ничивая симъ своего великодушія , онъ
общалъ мнѣ , если пребуду нечувствви-
пельною къ любви его , даровашъ воль-
ностъ , и возвратитъ меня въ мое опе-
чество. На что могла я рѣшилься ? Съ
одвой стороны я была привазава жи-
вѣйшею благодарностію къ человѣку до-
вольно великодушному , чшобъ побѣж-
дашь для меня страсни свои , и до-
вольно безкорыстному , чшобъ не жа-
лѣль о важной суммѣ , заплаченной имъ
за меня Замнови , и не уошребляшь во
зло правъ , нѣдо мною пріобрѣшевныхъ ;
съ другой я видѣла спраждуцго оица ,
борящагося со смертію и ошчаяннаго
любовника. Я просила , и получила
ощерочку ; не удовольствуюсь симъ ,

Графъ обѣщаль употребить все возможное, дабы доставить мнѣ извѣстіе объ оцѣ и женихѣ моемъ. Спустя दोномъ около мѣсяца; онъ принесъ ко мнѣ письмо ошъ одного изъ друзей вашихъ въ Каиръ: въ ономъ увѣдомляли меня, что черезъ пять дней послѣ моего похищенія, печаль прекратила жизнь отца моего, а Ницефоръ оставилъ Каиръ, и никому не извѣстно, куда онъ удалился.

Я размышляла о великодушіи Графа, изъ тысячи мушкьеръ не нашлось бы ни одного, который бы могъ имѣть подобное уваженіе къ моему несчастью, и принялъ бы въ ономъ столь вѣжное участіе: всякой изъ нихъ, получивъ шакія виды мною права, какъ онъ, не только не оказалъ бы мнѣ любви и вниманія, но могъ предписывать мнѣ законы, какъ Султанъ. Сердце мое исполнено было почтенія къ его добродѣтелямъ, и я согласилась дать ему руку: родители его прощивились нашему соединенію, но онъ съ швердосшою преодолевъ все пре-

пятствія. Наконецъ захопѣли они видѣть
 меня, и сколь прежде велико было ихъ
 презрѣніе, столько потомъ оказывали
 они ко мнѣ дружества. Увидѣли, что
 сынъ ихъ нѣдетъ во мнѣ свое счастье, и
 одобрили бракъ нашъ. Супругъ мой не
 смѣлъ ввести меня въ кругъ людей рав-
 наго съ нимъ сосоянія, а еще менѣе
 представитъ ко двору, по причинѣ не-
 благороднаго моего произхожденія, но
 я не искавъ сей чести вмѣстѣ съ нимъ
 проводила въ деревнѣ дни свои въ слад-
 чѣйшемъ удовольствіи. Такимъ образомъ
 пролежѣли два года, какъ одинъ день;
 недоспѣвало мнѣ только счастья быть
 матерью. Супругъ мой и его родные съ
 такою же горячностію сего желали, но
 я не имѣла этой радости. Нѣкоторыя
 дѣла вызвали его ко двору; прощаясь съ
 нимъ, душа моя объята была страшными
 предчувствіями.. Увы! . . Я просилась
 съ нимъ на вѣки. Черезъ три мѣсяца по
 отпѣздѣ его, я получила ужасную вѣсть,
 что онъ лишился жизни въ одномъ пое-
 динкѣ: убійца его спасся бѣгствомъ, и
 я никакъ не могла узнать, кто онъ.

И вамъ неизвѣстная причина несчастнаго сего поединка? — Нѣтъ, оплачивала она мнѣ, проливая источники слезъ. На него напала ночью среди улицы, и принудили съ шпагою въ рукахъ защищаться, и онъ палъ произведенный смертельнымъ ударомъ. Судите объ ощущеніи моемъ при семъ плачевномъ извѣстіи: я хотѣла за нимъ послѣдовать, хотѣла прекратить дни свои, потеряла употребленіе разсудка. Въ теченіи краткаго времени нашего союза, мы жили въ шоль совершенномъ согласіи, наслаждалась шоль завиднымъ счастіемъ . . . и вдругъ потерпѣла его самымъ жестокимъ случаемъ! . . . я не въ силахъ, изобразить вамъ моей горести. Теперь прошло уже болѣе года, какъ лишилась я своего блаженства, и хотя печаль моя нѣсколько укротилась, но вѣтъ минушы, въ которую бы я о немъ не помышляла, вѣтъ минушы, въ которую бы не желала еще разъ его увидѣть; и съ нимъ проснипѣся. Сколь часто во время ночи молчанія одождываю его на

уединенномъ своемъ ложѣ, произношу
 милое его имя! Не сочтите, Графъ,
 слова мои романтическими жалобами въпль
 что истинное и вѣрное описаніе моихъ
 страданій. Однѣ лишь супруги столь же
 вѣжныя, столь же спраспно любимыя,
 какъ была я, могутъ понимать меня;
 и не осуждаютъ моихъ чувствъ. Я не
 въ состояніи еще рѣшиться снять сей
 шрауръ, и переменить уборы моихъ
 коммашъ: черный цвѣтъ одивъ лишь
 приишенъ для глазъ моихъ; они съ удо-
 вольствіемъ устремляются на эту софу,
 которую некогда супругъ мой раздѣлялъ
 со мною, иногда цѣлыя часы просиживаю
 на оной, занимаясь только имъ. Сколь
 желала бы перевезши сюда тѣло его,
 чтобы еще разъ на него взглянуть, но
 желанія мои тщетны. Въ семь звѣрицѣ
 воздвигла ему памятникъ, и одно сіе
 мѣсто имѣеть для меня прелести; не-
 вольное движеніе заспавило меня, сюда
 васъ првнесъ. Слѣдуйте за мною; мы
 въ близкомъ отъ онаго разстояніи.—

Мы прошли чрезъ темную аллею, и я трепетала подобно пресупнику, говорящемуся явиться предъ судію своего, ибо по несчастію моя рука лишила Графиню вѣчнаго супруга, подъ моими ударами палъ онъ мертвъ, и его смерть принудила меня разстаться съ Полиною. Графиня остановилась у круга осененнаго кипарисомъ и печальными словами «Смотрите сюда, сказала она мнѣ, опирая лицо свое омоченное слезами и показывая пальцомъ на средину круга.» Я взглянулъ и увидѣлъ родъ пространный часовни: съ нашей стороны былъ входъ въ оную; на широкомъ подкормѣ изъ чернаго мрамора была представлена алебастровая статуя Графа во всю величину его, а вверху надпись золотыми буквами.

«Здѣсь, говорила Графиня, въ объятіяхъ друга; мы часто укрывались отъ солнечнаго зноя, и для того въ семь самомъ мѣсѣ соорудила я памятникъ, живо представляющій мнѣ дни блаженные шоль быстро пролетѣвшіе. Здѣсь,

продолжала она, вошедъ въ часовню, я иногда совершенно внѣ себя бываю: усмиривъ глаза на сей мраморъ, я забываю, что онъ не можетъ оживиться; говорю съ нимъ, какъ ожидая отвѣта: молю небо произвестъ для меня чудо, показавъ мнѣ моего супруга, и съ нѣкотораго времени желаніе сіе отъ часу болѣе меня мучитъ. « Увы! не льзя увидѣть того, кто болѣе не существуешь! Въ Египтѣ мы считаемъ сіе возможнымъ, здѣсь же совсѣмъ не то — но я споль сильно желаю увидѣть его еще разъ. »

« Ты его увидишь послѣ завтра въ полночь, сказала громкій голосъ, какъ бы исходящій изъ могилы. Вся часовня поколебалась: кровь замерла въ жилахъ моихъ. Что сіе значить? спросила Графиня, поблѣднѣвъ отъ страха. »

« Не знаю . . . но уйдемъ. . . я сама ощущаю тайный ужасъ . . . — Желанія мои исполнены, сказала Графиня, онъ еще любитъ меня. . . изъ вѣдръ гробницы онъ услышалъ мои моленія. Онъ

придѣть. . . . да! я увижу своего супруга! примолвила она съ восхищеніемъ.»

« Но будете ли вы имѣть стлу? лѣжное ваше сложеніе въ состояніи ли перенести подобное зрѣлище? сказала я, ведя ее къ замку.

« А для чегожь не такъ? отвѣчала она смотря на меня съ удивленіемъ.

Явленіе споль ужасное можешь испугать васъ.

« Чего мнѣ бояться! не былъ ли очь моимъ любовникомъ, супругомъ? Ахъ! пусть придетъ онъ, я прижму его къ сердцу своему.»

Мы шли въ молчаніи. Графиня предавалась мрачной задумчивости; и я шептался въ своихъ мысляхъ, не постигая случившагося съ нами въ часовнѣ. Пришли доложивъ, что ужинъ готовъ; солнце тогда совсемъ уже сокрылось, и мы возвратились въ замокъ. Я все еще содрогался отъ ужаса; Графиня

была блѣднѣе обыкновеннаго , но все прелестна : волненіе души изображалось на лицѣ ея , сколь ви старалась она казаться спокойною. Снопль былъ накрытъ въ залѣ освѣщенной многими люстрами ; я также какъ и за обѣдомъ съѣлъ и попрощавъ Лауры , и видѣ ея вливалъ въ меня новыя силы. Она посмотрѣла на меня съ милою улыбкою , и знакй ужаса ея исчезли. Когда всѣ люди вышли , то она взявъ мою руку , устремила на меня прекрасныя глаза свои и сказала : Графъ ! я имѣю къ вамъ просьбу.

Вы можете мнѣ приказывать прелестная Графиня , отвѣчала я съ жаромъ , пожимая ея руку. Она не отняла ее , и я почувствовалъ въ себѣ содрясеніе , какъ бы отъ электрическаго удара.

Я не имѣю довольно твердости , продолжала она , чтобы ожидать обещаннаго явленія. Сколь прежде сильно было во мнѣ желаніе , увидѣть тѣнь любезнаго супруга , сколько смущаетъ меня

теперь увѣреніе, что оно исполнится; и признаюсь вамъ, что голосъ слышанный въ часовнѣ, въ такой пререпеть привелъ меня, что я и теперь еще не могу опомниться. Возвращаясь въ замокъ я тысячу разъ раскаявалась въ безразсудномъ своемъ желаніи, но по несчастію сего не лзя уже перемѣнить. По крайнѣй мѣрѣ я осмѣлюсь просить васъ, любезный Графъ, остаться со мною до окончанія сего приключенія.

Я не въ силахъ былъ отказать ей, крайне желалъ бы удалиться. Она замѣля мою нерѣшимость, примолвила: однакожь если это для васъ неприятно, если ваши дѣла не позволяютъ исполнить моего желанія. —

Перервавъ слова ея: Обожаемая Графиня! все, что можетъ доставить мнѣ удовольствіе, васъ видѣть, ошмѣнно для меня приятно, какимъ бы ни подвергся чрезъ то опасностямъ. Присутствіе ваше разгонитъ весь ужасъ .. такъ! я останусь съ вами, чтобъ увидѣть, чѣмъ все это кончится.

ся. — Она налила мнѣ стаканъ вина, уможившаго мою бодрость. Для Лауры и въ глазахъ ея, я пренебрегъ бы все. Я поцѣловалъ у нее руку: она тихо пожалала мою . . . я забылся, и началъ говорить о любви, не оскорблясь моею дерзостью, она съ улыбкою мнѣ отвѣчала: Вы прекрасный мужчина, и я почитаю васъ очень опаснымъ для моего пола. Если говорить откровенно, по можете быть и мое сердце не долго вамъ пропало . . . но любовь требуетъ дальнѣйшаго знакомства. Мы не всегда бываемъ таковы, какими кажемся въ первый разъ, особливо любовники споль хорошо умѣютъ притворяться, показывая себя съ выгодной стороны, что одно лишь время можетъ открыть истину. Я конечно полагаю въ васъ всѣ качества, способныя доставить счастье чувствительной женщины, но пусть опытъ докажетъ мнѣ, не ошиблась ли я въ своемъ мнѣніи. Мы только съ давняго утра познакомились; не всѣ случаи моей жизни вамъ извѣстны:

ны, и то узнали вы отъ самой меня. . . . я же не знаю нашихъ обстоятельствъ Оставьте гробъ моего супруга, ч.л.бъ идти къ оупарю, былъ бы самой безразсудный поступокъ. Размыслише хорошенъко о нашемъ положеніи: я низкаго рода, я живу только благодареніями родителей моего мужа любовь и благодарность не позволяютъ мнѣ вступитъ въ новыя обязательства.

Тутъ вошли люди, ч.л.бъ снхъ со сномъ. Молодивъкая дѣвочка приближась къ Графовѣ, тихо съ нею говорила; Лаура сдѣлала знакъ головою, и дѣвочка низко поклонясь удалилась. Графиня наполнила еще мой стаканъ, разговоръ ея отъ ч.л.у снхъ снхъ важнѣе. Мнѣ неизвѣстны, Графъ, в.ш.л. правила, сказалъ онъ; но я должна благодаритъ судьбу, приведшую меня къ Графу Бельфіори. Богъ знаетъ, какаябы была моя участь, еслибы попала въ другія руки. Меня продали. . . . должностъ моя состояла въ шомъ, ч.л.бъ слѣно повинувашься,

чегобъ опть меня ни попотребовали. . . .
я могла быть унижена до такого со-
стоянія, ч побъ служить забвною для
своего господина, копорыи власпень
быль отослать меня съ презрѣніемъ!
какъ скоро бы я ему наскучила. Ахъ,
Графъ! вы не можете представитъ
моего положенія въ ту минуту, какъ за-
ключили сей гнусный шоркъ. Но небо вело
меня чрезъ то къ совершенному благо-
получію; я чу спковала всю цѣну онаго,
какъ вдругъ лишилась любезнаго супру-
га. Однакожь я никогда не забуду его,
нѣжности, и великодушія родныхъ его.
Онъ заплатилъ за меня важную сумму,
любовію и каля пріобрѣсь мое сердце.
Д и я хочу только жить для него и
огорченныхъ его родствелей, для того,
чтобъ чтиль его память. Можешедя
опычатъ, что въ послѣдствіи не рас-
каешь о блжкѣ, совершеномъ въ ми-
нуту изступленія? можете ли опы-
чатъ, что семейство ваше столь же
благодарно меня приметъ, какъ фамилія
Графа Вальфюрн? въ сосщолці?

иль съ такою же какъ онъ швердостію, подвергнушь себя порицанію двора? конечно я считаю васъ выше предразсудковъ, но есть такіе, которыхъ свѣшь не позволешъ пренебрегать, и всякой долженъ почитать ихъ. Поверьте мнѣ, ограничивъ чувствами наши одною дружбою, и чинобъ пребыванія съ обѣихъ сторонъ были равныя: я оставляю другу моему вольность, оставьте и вы своей прішельницѣ печальное ея одѣяніе.

Мою вольность! я потерялъ ее съ первой минутой, какъ васъ увидѣлъ. И бросился къ ногамъ ея.

Встаньте, сказала она мнѣ улыбаясь: сей часъ войдетъ Нина. Усмѣшка ея показалась мнѣ презрительною. Дѣвочка подлинно вошла, неся подносъ изъ чернаго кипайскаго фарфора съ такою же чашкою, наполненною чернымъ же напиткомъ. Она все поставила на столъ, поклонилась, и вышла не сказавъ ни слова.

Графиня всыпала въ сей напитокъ порошокъ похожій на золу, перемѣшила ложкою изъ слововой косицы, и выпила глотокъ.

Я замѣтила, что поднося чашку къ губамъ она содрогнулась, но скоро успокоилась. Я взявъ ее за руку почувствовала, что она оледѣла, и чѣмъ болѣе пила сего чуднаго напитка, тѣмъ мрачвѣе становилась. Между тѣмъ она не переставала дополнять мой стаканъ видомъ, и казалось, имѣла намѣреніе, помрачить мой разумокъ. Звукъ голоса ея не потерялъ своей пріятности, но я нашелъ въ ономъ перемѣну. Слыдился, что отважился говорить ей о любви и не смѣлъ болѣе коснуться сей матеріи. Сколь за минуту предъ тѣмъ былъ дерзокъ, столь вдругъ сдѣлался робокъ. Обращеніе со мною было ласково и непринужденно, но несравненно холоднѣе; черное ея одѣяніе придавало ей важный и величественный видъ, и я не найду выраженія, которымъ бы могъ объяснить, какое чувство она въ меня!

вдыхала. Въ сіе время , къ крайнему моему удивленію , люстры сами собою погасли , они еще долго горѣли послѣ того , какъ собрали со стола , и потомъ никто не входилъ въ комнату , и мы оспались только съ двумя свѣчами на столѣ стоявшими. Я многократно покушался спросить Графиню , что все сіе значило , но не имѣлъ къ тому бодрости. Она допивъ свою чашку , располагалась уйти ; я всѣхаль , чпобъ съ нею проститься ; она позвонила въ колокольчикъ , и слуга вошелъ проводить меня. Графиня дружески пожелала мнѣ доброй ночи ; человекъ послѣдовалъ за мною въ ту комнату , гдѣ я спалъ на кавунѣ , и пославъ предо мною двѣ свѣчи ушелъ. Всѣ происшествія того дня живо представлялись моему воображенію. Зампоня , чпобъ доставить мнѣ нужныя извѣстія , отсылаетъ меня къ женщинѣ , которая никогда не слыхала ни обо мнѣ , ни о дѣлахъ до меня касающихся , хотя сама мною ввержена въ несчастіе : онъ обещаетъ отвесити меня къ ней , и отпра-

лаешь одного въ гущошѣ неизвѣснаго
 мнѣ лѣся; однако случаи приводятъ меня
 въ самое то мѣсто, куда думалъ за нимъ
 слѣдовать. Мнѣ дѣлаюшъ вилучши при-
 емъ, и я нахожу, что Зампови мало
 сказала о красотѣ Луры: она совершен-
 ной ангель. Я, убийца между ея, осмѣ-
 ливаюсь въ нее влюбиться, и даже объ-
 являю ей любовь свою; она сплѣхаетъ
 мнѣ ласково, но даетъ между шѣмъ
 чувствоватъ мое неразуміе. Часовя ко-
 леблется, страшный голосъ возвѣщаетъ
 явленіе шѣни, и Графиня проситъ меня
 поддержатъ бодрость ея своимъ при-
 сущствіемъ. Я никогда не вѣрилъ мерп-
 вецамъ, и считалъ баянями всѣ подобные
 рассказы но однако не могу по-
 мыслишь безъ ужаса о томъ, что послѣ
 завтра должно произойти вѣшь
 ли шущъ умысла Зампови? . . . но онъ
 никакаго не можетъ имѣть вліянія въ
 семь замкъ; Графиня презиретъ его
 ненавидитъ, и никогда не позволишь
 ему вступитъ въ оный.

Увидя молодого Грека въ Венеціи, онъ спясея бѣгствомъ . . . и такъ онъ бѣжитъ его . . . Супругъ Графини умерщвленный ночью . . . моею рукою . . . а я . . . у ногъ ея объявляю дерзкую любовь свою . . . какія справки! . . . чѣмъ все это кончится?

Я призывалъ на помощь разсудокъ, но онъ ничего не объяснилъ. Видѣнное и слышанное мною въ часонѣ, немольный ужасъ объявившій мнѣ при входѣ въ оную; все осталось для меня непонятнымъ. Я не могъ ошибиться; ибо Графиня слышала тоже, что и я. Мнѣ бы весьма хотѣлось оставить замокъ, но какой смѣлъ, боясь быть свидѣтелемъ пак-каго приключенія, которому женщина добровольно подвергалась! къ кому жъ я далъ слово, остаться. Что подумаетъ она обо мнѣ, если не исполню оного? —

Я обожалъ Графиню, и презабрегъ бы для нее величайшя опасности. . . . но стѣнь сія приводила меня въ прещель. . . . Я желалъ чшобъ шуть скры-

ваяся обманъ. . . Може пъ бытъ хотять
 воспользоваться слабостію женщины. .
 Я обнаружу весь умыселъ. . . . Услуга
 сія возбуждая бл годѣрность Графини,
 застаивтъ ее поз бытъ невольное мое
 преступленіе, и можетъ бытъ со
 временемъ я прову ея сердце. Мысль сія
 столь глубоко во мнѣ вкоренилась, что
 уже позши не сомнѣвался въ успѣхѣ
 своихъ предпріятій, и вознамѣрился
 идти прямо къ правидѣнію, открытъ
 лаушовство, и наказатъ его. Я уже
 видѣлъ, какъ пр-красная Дура въ вос-
 хщеніи благодарности видѣется въ мои
 объятія. Но вдругъ — образъ молодого
 Грека предспавился моему воображенію.
 Для него предпринялъ я сей путь, и
 столь недосшойнымъ образомъ измѣняю
 его довѣренности. . . . Полина также
 явилась предо мною въ печальномъ одѣя-
 вии. . . . Отець мой на смертномъ одѣѣ
 возноситъ на меня руку, и предаетъ
 проклятію. . . съ другой стороны вижу
 оскорбленнаго Герцога, и Принца де ла
 Рохе, укоряющаго меня обольщеніемъ

назначенной ему вѣнѣсты. . . . ужасныя каршины! . . . я содрогался хотѣлъ опдалить ихъ но совѣсть вновь мнѣ новыя предспавляла въ живѣйшихъ еще краскахъ Я опять желалъ удалиться но Графиня опять являлась со вѣми своими прелестями. . . . она брала меня за руку; я чувствовалъ нѣжное ея дыханіе; видѣлъ большія голубые ея глаза на меня усипреленные; слышалъ сладосипный голосъ произносящій слова сіи: « не оставляйте меня въ сію спршную мивушу » Я не могъ рѣшиться, бѣжать. . . однимъ взоромъ. . . легкимъ прикосновеніемъ руки, приковала она меня крѣпче къ очарованному замку, нежели самыми тяжелыми желѣзными цѣпями. —

Подъ утро благошворный сонъ освѣжилъ мои чувства. Проснувшись увидѣлъ я подлѣ своей постели челоуѣка, опредѣленнаго мнѣ служишь, и тотчасъ спросилъ его о Графинѣ. — Она только что возвратилась съ ушренной своей прогулки. — Одѣвая меня, онъ рассказы-

ваяль, что она всякой день ходишь въ
 звѣринецъ рвать цѣпты. Сей день про-
 шель въ сообществѣ любезной Лауры,
 стольже пріятно, какъ и вчерашній,
 но въ ней примѣтно было уныніе.
 Послѣ ужина дѣвочка подила опять чер-
 ный напитокъ съ шѣмже обрядами, и
 какъ скоро Графиня оный гышила, то
 мы разошлись по своимъ комнатамъ.
 Наконецъ наступилъ третій день. При-
 шедъ къ ней по утру, я нашель ее на
 той же софѣ, только въ бѣломъ пла-
 тѣ, и въ ономъ показалась она мнѣ
 въ тысячу разъ прекраснѣе. Но за-
 думчивость ея усугубилась; неспов дви-
 женіе груди, открывало мнѣ душевную
 ея разстройку, и сколь ни старалась
 она принять спокойный видъ, но все обна-
 руживало ея волненіе. Мы не могли начать
 никакого разговора; она предложила
 играть въ карты, но мы скоро при-
 нуждены были оставить сіе упражненіе,
 быть оба слишкомъ заняты своими
 мыслями. Она взяла гитару, но не могла
 докончить ни одной аріи, начать одну,

топчасъ принималась за другую; голосъ ея дрожалъ, и будучи недовольна сама собою, она кинувъ гитару, съѣла за форто-піано; но и тутъ не была счастлива: ни что не могло разогнать ея смущенія. Часъ обѣда вступилъ; не задолго предъ тѣмъ она меня оставила, чтобы одѣться, и вошла опять въ печальномъ своемъ платьѣ. Обѣды сей можно назвать трапезою шраура: огонь лишь столъ покрытъ былъ бѣлою скатертью, все же прочее, какъ по: комнатные уборы, посуда, и даже кубки были черные, вино въ нихъ перья не только цвѣтъ свой, но и свойство раждать веселость. Принявъ багряный видъ, оно казалось уже не виномъ. Самое кушанье имѣло въ себѣ вѣчно мрачное; оно состояло изъ разваренныхъ плодовъ и подожженныхъ сливокъ. Графиня ни за что не принималась.

Мы очень скучно провели послѣ обѣденное время, и въ сильномъ безпокойствѣ дождалась заходенія солнца. Я сидѣла съ Графинею у водоема обложен-

наго бѣлымъ мраморомъ : онъ находится въ лучшей части звѣринца, и былъ осыняемъ высокими деревьями, коихъ вершины позлащались послѣдними лучами солнца; а вѣшви, тихо колеблемыя вѣшкеркомъ, вливали въ насъ увалуу задумчивость; совершенная тишина царствовала во всей природѣ, и жеманша почти начала разпростираяться. Графиня съ глазами устремленными на водоемъ; погруженная въ свои размышленія не замѣчала мрака насъ окружающаго, звѣзды показались уже на горизонтѣ, какъ пришла доложить намъ объ ужинѣ; Графиня встала, взяла меня за руку и мы въ молчаніи оставили звѣринецъ.

Пришедъ въ замокъ, она совсѣмъ почти лишилась чувствъ; я посадилъ ее на софу, и мало по малу она пришла въ себя. Приближась къ окну, печально взглянулъ на звѣринецъ, и увидѣлъ, что поднималась вѣшерь; сколь прежде казалась ночь тиха и ясна, столь теперь угрожаемы мы были бурей: вѣшерь наносилъ черные

облака скрывающія блескъ звѣздъ и
вдали сверкала молнія.

Уживѣ совершенно былъ подобенъ объ-
ду. Графиня опраясь нѣсколько, съла
за споль, во ни куска не могла прогло-
тишь, а мнѣ совѣтовала не слѣдовать
ей примѣру. Однако я и самъ ничего не
бѣлъ; ожиданіе чуднаго приключенія оп-
няло у меня къ тому все желаніе. Между
тѣмъ погода опчасу спановилась хуже,
слышны уже были громовые удары, и
гроза примѣпно приближалась. Сняли
со стола. Дѣвочка опять появилась съ
обыкновеннымъ своимъ напискомъ : и
Лаура приняла оный съ сильнымъ вол-
неніемъ : шрепетъ разлился по нѣмъ ея
членамъ ; она едва не упала и прину-
жена была схватиться за споль, чтобы
удержаться на ногахъ.

Въ прошедшіе два вечера я со вни-
маніемъ смотрѣлъ какъ пила Графиня
шманственный сей напискъ. Чашка
заключала въ себѣ четыре маленькія рюм-
ки, и она каждая пять минутъ по одной

принимала, что составляло четверть часа; по прошествии онаго дѣвочка входила чтобы все со стола убрать. Въ сей послѣдній вечеръ, во время пятиминутныхъ переминокъ, Лаура ходила по комнатамъ, сложивъ руки и поднявъ глаза на небо, какъ бы чистая молитвы: тяжелыя вздохи вырвались изъ священной ея груди; выцѣль же послѣднюю рюмку, неможко пошла и попомъ съла на прежнее мѣсто. Я не знаю отъ чего не имѣлъ я силы удивешворить своему любопытству разспросить Графиню или ея служитель о справномъ семъ пищѣ. Черный цвѣтъ чашки, шарелки и самаго вапика; порошокъ похожій на золу, важность дѣвочки, все свое подносящей, распоявие времени между каждою рюмкою и глубокое молчаніе нами хранимое до испеченія четверти часа, внушали въ меня родъ священнаго ужаса; но Графиня, нежелая объяснить сего таинства, дѣлала видъ, что не замѣчаетъ моего изумленія.

Когда дѣвочка опять вошла, то Графиня ей сказала: я сего дня не лягу до утра, принеси мнѣ книги и карты. — Дѣвочка тотчасъ исполнила сіе приказаніе, положила книги на столъ зажгла всѣ свѣчи, потомъ спяла на коѣна передъ Графинею и поцѣловала у ней руку. Лаура перекрестила ее по Греческому обычаю, приподняла и обнявъ съ нежностію, примолвила покойная ночью милая Нина. Дѣвочка повторивъ сіе желаніе, сказала: мы всѣ живемъ и умираемъ въ руцѣ Господа. Графиня ошвѣчала: живые или мертвые мы всегда находимся подъ Могущественною Египетскою. Потомъ сдѣлала знакъ чшоби она вышла и дѣвочка удаляясь кинула на насъ взглядъ, исполненный живѣйшаго безпокойства. Хотя не охотники и ни до какихъ обрядовъ, но сей щедраго мнѣя своею престою. Мы всѣмъ вечеръ рѣстаемъ такимъ образомъ сказала мнѣ Лаура.

Я предлагалъ ей играть въ карты Акъ! вѣшь ошвѣчала она; я ничего и

мь состояніи дѣлать, я хотѣла только принудить Нину не дожидаться меня. Между тѣмъ все небо покрылось облаками. Громовыя тучи вились надъ нашею головою, вѣтръ съ силою потрясалъ деревья, частая молнія ослѣпляла глаза. Ударило десять часовъ и жеспокость бури умножилась. Не возможно описать ужаса Графини, который возрастала съ каждою минутою.

Мое положеніе не лучше; шумъ вѣтра, страшные громовыя удары и ожиданіе явленія тѣни поколебали мою твердость; все во мнѣ мужество исчезло; блѣдень, въ изнеможеніи, и такъ слабъ, какъ младенецъ; я слѣдъ прошивъ Графини поддерживала рукою голову; она же безпрестанно содрогалась. Ударило одиннадцать часовъ, и часы проигравъ печальное адажіо, вдругъ оспажовились. Что это значить, сказала встревоженная Графиня? ихъ сегодня въ полдень заводили, а обыкновенно идутъ, они двое сушокъ. Я кричала съ своего мѣста и снова звала ихъ.

Тогда буря достигла высочайшаго степени. Графиня велѣла зажечь всѣ люстры и на каждомъ столѣ поставить по нѣсколькѣ свѣчъ, вѣроятво для того, чтобъ уменьшить свой страхъ; ибо опытъ доказываетъ, что чѣмъ болѣе освѣщена комната, тѣмъ менѣе ужасъ можешь видѣ нами дѣйствовавшъ.

Часы пробилъ четверть двенадцатаго. Скоро . . . скоро! воскричала, Лура съ спешеннымъ сердцемъ. Послѣ сихъ словъ, одинъ лишь шумъ бури прерывалъ унылое наше безмолвіе.

Когда пробилъ при четверти двенадцатаго, то огонь въ комнатѣ потерялъ свое все сіяніе . . . По крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось. . . Можетъ быть это было заблужденіе омраченныхъ моихъ глазъ. Извѣство, что орбѣвшему челоуку и среди дня, кажется темно. За пять минутъ до полудни, часы произвели обыкновенный шумъ; туть всѣ люстры казались гошовыми догаснувшъ; они подходили на

свѣчу только что зажженную, и еще не разгорѣвшуюся, издающую самый слабый свѣтъ ужаснѣе темноты. Я ничего не могъ различить, коб предметы представлялись мнѣ въ новомъ видѣ. Графиня испуганная дѣйствіемъ свѣчь, изпустила тяжелый вздохъ. Наконецъ роковой часъ пробилъ: по мѣрѣ ударовъ, свѣтъ спановился блѣднѣе; вмѣстѣ съ послѣднимъ свѣчь вдругъ потухли; часы, хотя недавно мною заведенные, опять оспановились. Спращный ударъ грома разсыпался надъ замкомъ, и грозилъ погребсти насъ подъ развалинами оная. Двери оспъ въпра хлопали, окны дрожали, стекла разбиваясь съ прескомъ, падали на землю и все небо казалось въ огнѣ.

Онъ идетъ. . . . идетъ! . . . вскричала Аура, и дѣйствительно онъ появился у порога дверей.

Графиня пала на колѣна, простирала руки къ спрашивающу Такъ это ты? Но Великій Боже! кто лишилъ тебя жизни?

Видъ привидѣнія вселялъ робость: съ головы до ногъ, покрывала его бѣлая простыня; при входѣ его шуршащій запахъ разлился по всей комнатѣ; онъ такъ былъ завернутъ въ свой саванъ, что кромѣ спрашнаго его лица блѣднаго и иссохшаго, и груди, произведенной ударами, ничего белзя было разсмотрѣть: изъ ранъ его кровь текла ручьями на простыню. Онъ тихими шагами подошелъ къ Графинѣ, и могильнымъ голосомъ произнесъ слѣдующіе слова: Чего ты отъ меня пребуешь? Ужасъ сковалъ языкъ несчастной.

Мы видѣли сіе спрашивающе при блескѣ молніи, но предпочли бы глубочайшій мракъ, лишь только бы не видать его.

Говори, Лаура, чего ты отъ меня хочешь? . . . За чѣмъ призвала меня? сказалъ онъ по вѣкоморомъ молчаніи, ожидая отвѣта своей супруги.

Я хотѣла съ тобою преспиться, отвѣчала шепчущая Лаура.

Преспиться? повсорило привидѣніе.

Графиня нѣсколько ободрилась. Да! простишься. Ты знаешь, сколь любима мы другъ друга! Сколь коротко было время нашего союза и блаженства! . . . И ешьля, какъ духъ, ты можешь чашь въ сердце смертныхъ; можешь слѣдовашь за всѣмъ ихъ движеньями: ты видѣшь слезы проливаемые мною съ той самой минутой, какъ я тебя лишилась; видишь горесть безпрестанно меня свидѣющую, и долженъ простишь своей супругѣ дерское желаніе, вышнее любовію. — Добрая, вѣжная душа! . . . Священная любовь твоя и въ лонѣ вѣчности соспавляетъ мое блаженство! . . . Но въ какомъ обществѣ я нахожу тебя? — Сей незнакомецъ — есть мой убійца! — Какъ! — Графъ Стефанъ! похитилъ меня съ твоей вѣжностію. Слѣдла спростъ къ Принцессѣ Полнѣ заставила его и капль моей смерти. Герцогъ спростъ опядлилъ его отъ дзорѣ, назнчиль меня своею жертвою; онъ боялся, ч. побѣ привязанность моя къ Принцу де ла Рошѣ

не заспавшля меня объявить ему происходящее въ чертогахъ Герцога. Умьля возбудишь пропиль меня ревность Графа Стефано; безумецъ полъриль внушеніямъ жищрой швари, предавшой Герцогу Онъ напаль на меня ночью среди улицы принуждель обнажить мечъ мой, но недаль времени вычуть его, поразиль меня многими удраами. Подъ видомъ живѣйшаго участія, Герцогъ уговориль его бѣжеть, и шьмь даспаль двойной своей цѣли. Графъ пошомъ схачпался по всей Италіи . . . Ажы, немнкая горлиця, дасшь у себя убѣжище жищному востребу, назвачившему уже себѣ въ добычу шую добыодѣ пель; ты принимаешь въ свое соощество убійцу швоего супруга! . . . — Проспи! . . . проспи меня, возлюбленный! О! еспаль бы я знала, что его рука . . . — Одно сіе невѣденіе спасеть его опъ ужаснаго моего мщениа; но я шребую, чтобъ солнце не вчшло уже его болѣе въ сечь змкъ Съ сей минушю онъ не долженъ никогда предсшавляшь-

я глазамъ своимъ. — И безъ своего
 позволенія я не въ силахъ сносить при-
 сутствіе того, кто столь подлымъ
 образомъ лишилъ жизни дражайшаго
 моего супруга . . . Твѣ милая!.. Я хочу
 отмститьъ за тебѣ . . . Клявусь! . . . —
 Остановись! я не требую отмщенія.
 Не дерзай восставать противъ опре-
 дленія рока. Пусть сей несчастный уда-
 лится съ миромъ . . . Предоставь нѣбу
 его наказаніе . . . уже фуріи терзающъ
 его совѣсть . . . адскія мученія раз-
 дирають душу его . . . Проспи! . .
 Сохрани память мою . . . Тамъ опять
 мы соединимся. — Онь приближился къ
 дверямъ съ видомъ величественнымъ и
 вдругъ исчезъ. Спрашная молвіа озрѣла
 всю комнату, свѣчи возвратили свою
 ясность. Графиня безъ чувствъ упала
 на софу, а пришедъ въ себя, потчасъ
 удалилась не успоминъ меня ни еди-
 нымъ взоромъ. Положеніе мое ужасно:
 Совѣсть уснула и я пробудилась
 Но привидѣніе не во всемъ повѣствованіи
 сохранило истинну; я лишилъ его жизни

съ опасностію своею, и овъ также храбро защищаль себя. Я совершенно узналь чершы Графа; окровавленные раны на груди его, точно находились на шѣхъ мѣстахъ гдѣ поражали его мои удары Я не могъ сомнѣваться, чтобы не овъ это былъ Черезъ нѣсколь-ко минушь вошелъ человекъ, взялъ свѣчу и прозодилъ меня въ мою комнапу.

Я во всю ночь незакрѣчалъ глазъ; писалъ къ Графинѣ, чтобы по возможности оправдашь себя; я описаль ей искренно все происшествіе, и для уменьшенія вины моей предъ ея глазами, изобразилъ живѣйшими красками ковь, прогнавъ меня сооруженный. Не знаю, явило ли письмо мое желаемое дѣйствіе; но рано по утру слуга принесъ ко мнѣ завтракъ, до котораго я не допронулся, подаль записочку отъ Графини; я развернулъ ее и прочель слѣдующее :

« Не измѣните сами себѣ, я сохраню
« ужасную сію тайну; только не медля
« удалишесь.» Подписи никакой не было.

Я почувствовала, что бесполезно было стараться увидѣшь еще обожаемую сію женщину. И такъ рѣшился возвращаться въ городъ. Мнѣ показали прямую и очень близкую дорогу. Лѣсъ далеко оспался, и не нужно было проѣзжать его. Но какое было намѣреніе Зампони завести меня въ оный? . . . Вспомнивъ сказанные имъ слова: вы получите въ замкѣ всё нужныя извѣстія Но я ни о чемъ не извѣстился. Графиня чрезъ пребываніе мое у ней, узнала во мнѣ убійцу своего мужа.

По возвращеніи моемъ на постоялый дворъ, слуга мой сказалъ мнѣ, что Ницефоръ приходилъ много разъ обо мнѣ осведомляться. Никакучь того дня, Полиція строго обыскивала Зампони, въроянно по требованію молодого Грека, но никакъ не могли открыть слѣдовъ его. Я все приговорилъ въ своему ошъвзду; перемѣнилъ имя и даже плащъ; а въ слѣдующую ночь пустился въ путь

Дорогою на произошло со мною ничего достойнаго замѣчанія. Бхаль деду и ночь и непрежде оставовился, какъ за границую. Изничилъ мѣстомъ своего пребыванія сполитный городъ малаго Бняжеспка, и в валь домъ къ опредѣлен-ной часпн, чп бѣ жипъ шамъ въ ши-шинѣ и не мзвѣспноспн.

Такимъ образомъ прошекло вѣсколько недѣль. Я не першлмо жгзаль знанъ, получила ли Полина мои письма и ошвѣчала ли на нхѣ. Когда Лаура предспавлялась моему воображенію со всѣми своими прелестями, по образъ Полины не производилъ болѣе никакаго впечатлѣнія надъ моимъ сердцемъ. . . . Воспоминаніе ужасной ночи, въ копорую являлось привидѣніе и показало во мнѣ Грифонѣ, убійцу ея супруга, рушителю ея божественна Сіе воспоминаніе обращало мезя къ первой моей любви. Я перечипычала письма Полины; покрывалъ поцѣлуями милое ея изображеніе Пробѣгая спрехи, начертанныя прекрасною ея рукою, го-

ворилъ самъ себѣ: воть выраженіа истинной любви! Такъ проводилъ я время въ уединенномъ своемъ жилищѣ Иногда размысли о своемъ поведеніи, я вопрошала себя: Еще ли ты достоинъ въжвостии . Поливны? . . . Ты вѣроломный убійца невиннаго существа! . . . Правда, что не возможно опровергнуть злаго умысла враговъ моихъ Я былъ слѣпымъ орудіемъ, коимъ искусныя руки располагали по произволу но не менѣе учивился преступникомъ.

Меня предсказали Графинѣ, желающей обольстить супруга человека, павшаго подъ моими ударами; картина сія несправедлива — но я все убійца. О! ты, неураимыми гласъ совѣсти, повелевающей всѣмъ на землѣ народами, и лено доказывающей бытіе Бога нашего! ты меня обвиваешь показываешь мнѣ всю гнусность моего злодѣянна Тщешно бы старалась ослѣпить тебя ложными утѣшваніями; всякое краснорѣчіе слабо убѣдитъ тебя; ты приводишь въ шрепешъ

и Царей на прешолъ ихъ ; самая вѣр-
 сія сладкая утѣшительница челоѣче-
 ства, безсильна тамъ , гдѣ налагаешь
 ты желѣзную свою руку утѣ-
 шенія ея слабы противъ спрашкаго
 швоего гласа Но какъ осмѣл-
 ваюсь еще любить Полину ? могу ли
 соединить руку невинности , съ рукою
 обгренною кровію своего ближняго ?
 Долженъ ли опарашить взоры ея опъ
 Ангела свѣта , чшобъ устремить ихъ на
 ангела тьмы !

Нѣтъ ! недостоявъ тебя болѣе , ми-
 лзя Полина ! я самъ это чувствую ; ты
 заслуживаешь сердце вѣрное и чистое , а
 не оскверненное какъ мое , злодѣяніемъ .
 Душа непорочная не можетъ и не должна
 соединять участь свою съ суд бою
 проекашнаго убійцы, воззвншаго мечъ
 свой въ грудь челоѣка ничѣмъ его
 необудимаго, обреченнаго проклятіемъ
 отца и брата : у каего рохисла роди-
 шельскую вѣжвость и повергнулъ въ
 безду золь и ошчаянія. —

Самая любовь швоя къ Полинѣ, есть уже преступленіе, и необъщаніа ли другому? . . . Но она его не любитъ Мнѣ вручила свое сердце! ослѣдствія, злополучная Полина! ты можешь любить того, кто тебя достоинъ, и спускаешь по окровавленному шрупу честнаго человека, чтобы кинуться въ объятія его убійцы Пробудись, выйди изъ опаснаго сего усыпленія! осмотри окружающіе тебя предметы взгляни на сихъ змѣй называющихся около моего сердца Ахъ! не спрашайся избавилъ оное Змѣи прилѣпились бы и къ тебе Бѣги, несчастная! Бѣги ядовитаго ихъ ложа; пусть гложьтъ она печальную свою добычу Пусть перзаетъ сердце, впадшее въ заблужденіе. . . . Чію я говорю! подлинно ли это одно лишь заблужденіе? Такъ, я могу еще обратиться на опезію добродѣтели! Раскаяніе, молитва, швердое намѣреніе, могутъ еще очистишь мою душу, возвращаешь ей по спокойствіе, коимъ наслаждалась прежде, нежели заразилась

вредными правилами придворныхъ. О! соуплеплуй, поддержиай меня, духъ моей Полины! Отнынѣ начну сію важную работу, стану трудиться чтобы сдѣлаться добродѣтельнымъ. Съ сей минуты отрекаюсь отъ всѣхъ надеждъ, отъ всѣхъ предпріятій для сооруденія счастья моего на погибель другихъ. . . . Такимъ образомъ, милая Полина, хочу учиниться достойнымъ тебя.

Въ уединенномъ своемъ убѣжищѣ я очень часто предавался подобнымъ размышленіямъ, и въ одинъ вечеръ, какъ я болѣе обыкновеннаго въ нихъ углубился, легкой стукъ у дверей вывелъ меня изъ оныхъ: всталъ посмотреть кто путь былъ, и вдругъ увидя предъ собою Замшони, отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ. Вы и здѣсь умѣли меня опыскашь, Замшони? сказала я ему очень сухо.

Я бы нашелъ васъ и на краю свѣша, ошвѣчала отъ мнѣ смѣясь.

Гораздо бы лучше для меня было, если бы не только теперь, но и никогда не встречался я с вами.

Это ли награда за мои попечения, за мою дружбу!

Дружбу? Чувства ваши ко мнѣ заслуживаютъ ли сіе названіе? доказательствъ дружбы завести меня въ непроходимый лѣсъ, изнурить усталостию и оставить тамъ одного среди ночи на произволь свирѣпящую бурю?

Но для чего вы не это выносили? не для того ли, чтобы досмаковать себѣ свиденія?

Которыхъ я не получилъ. Напрошивъ того я подвергался величайшей опасности въ замкѣ Графини; обязавъ только ее великодушію, что вышелъ изъ онаго безъ дальнихъ неприятностей. Замони! Замони! я имѣю предчувствія, которыя почишаю справедливыми основанными.

О! я не вѣрю предчувствіямъ; оставляю ихъ сестрамъ и младенцамъ: а ваши тѣмъ смѣшнѣе для меня кажутся, что они засыпаютъ васъ забывашь то что должны вы дѣлать, и не допускаютъ васъ даже подозрѣвать то, что всего къ вамъ ближе.

Правда! я никакъ не думалъ, чтобы вы такъ близко отъ меня находились.

Не обо мнѣ идетъ дѣло, она начала опять, продолжая смѣяться, и вынимая нѣсколько пакетовъ кошорые положила на столъ; потомъ съ скоростію ушелся. Я хотѣлъ воропить его, но онъ уже былъ далеко.

Я распечатывалъ пакеты, и первый появившійся мнѣ въ руки заключалъ въ себѣ публичныя вѣдомости изъ столицы; межъ многими важными для меня извѣстіями находилось слѣдующее: «Привѣзъ де ла Роше оставилъ дворъ нашъ въ ночи съ 13го на 14е число. Во второмъ пакетѣ было письмо отъ Полены, подобно первымъ; всѣ выраженія онаго

изъявляли живѣйшую любовь; каждое слово означало чувство, и я не переставала оное перечитывать. Въ третьемъ пакетѣ нашелъ письмо неизвѣстной руки. Въ ономъ также извѣщали меня, объ отъѣздѣ Принца де ла Роше, присовокупляя, что Графъ Стефано не ищетъ болѣе препятствій въ любви своей съ стороны Герцга, и бытъ увѣренъ въ сердце Принцессы, можетъ надѣяться безъ затрудненій получить ея руку.

Наконецъ четвертый пакетъ содержалъ въ себѣ извѣстія изъ моего Графства: шуръ объявляли мнѣ кончину моего родителя, и писали, что какъ никому неизвѣстно гдѣ находится, и живъ ли еще братъ мой, то ожидаютъ меня, дабы явести во владѣніе всѣхъ имѣній принадлежащихъ нашему дому.

Смерть того получилъ я письмо весьма лестное отъ Министра: онъ приглашалъ меня возвратиться во дворъ, говорилъ, что прошедшее предано совершенному забвенію, равно какъ

и ссоры мои съ Принцемъ де ла Роше, и заключилъ уѣзженіемъ, что Герцогъ съ благосклонностію меня приметъ.

Во всѣ сія причины, а особливо желаніе увидѣть П. д. ну, рѣшили меня возвратиться ко двору. Я вездѣ быть принялъ съ знаками отличнаго уваженія; всѣ сердца летѣли ко мнѣ на встрѣчу; и даже шѣ, которые при отъѣздѣ моемъ ошибенно холодно со мною поступили, теперь оказывали мнѣ живѣйшее дружество. Но я не видалъ Полины; нигдѣ не могъ съ нею встрѣтиться; никто не упоминалъ ея имени, и когда покушался я завести разговоръ о Принцессѣ, то всѣ старались обратиться на другіе предметы. Я ничего не могъ узнать, и долгое время тщетно надѣялся провѣдать что нибудь о судьбѣ той особы, которая внушала въ меня столь вѣжное участіе. Зампони также пропалъ; онъ ко мнѣ болѣе не являлся, и никто не звалъ гдѣ онъ. Такимъ образомъ пропекли многія мѣсяцы въ безполезныхъ изысканіяхъ. Го-

рестъ , овладѣла мною ; скука свѣдала меня и въ самыхъ блистательныхъ собраніяхъ . Я была одинъ посреди множества людей , между коими не находилъ единственнаго предмета меня занимавшаго .

Въ одно утро человекъ вошелъ доложить мнѣ , что незнакомъ я молодая дѣвушка непременно хотѣла меня видѣть ; но рѣшительно она казалась объявить ему причину своего прихода , говоря , что ей предписано лично меня о томъ уведомить .

Я велѣлъ ее впустишь , и увидѣлъ молодую прекрасную дѣвушку скромнаго вида , одѣтую въ простое мѣщанское платье . Подлинно ли я имѣю честь говорить съ Графомъ Стефаномъ спросила она усмиривъ на меня большіе черные глаза и съ ногъ до головы меня осматривая .

Я отвѣчалъ ей , что точно я Графъ Стефанъ . Тутъ сняла она съ шеи медальонъ , висѣвшій на золотой цѣпоч-

къ и совнманіемъ глядѣла по на него, по на меня, какъ бы случя; попомъ опять спряпала его подъ платокъ. Въ рояшно, это былъ мой портретъ, и не удовольствуюсь моимъ отъѣпомъ, она хотѣла чрезъ сіе сравненіе увѣришься въ истиннѣ словъ моихъ. Оковчивъ свои наблюденія, она мнѣ сказала: ша, которая за васъ спраждешь, поручила мнѣ ошдашь вамъ это письмо. Упѣшите ее, помогите ей, сколько опъ васъ зависить; будьте скромвы и постоявны . . . Я взялъ письмо, и она удалилась. Подпись была на мое имя, но рука незнакомая; почеркъ же казался женскій. Я сорвалъ печать и нашель другое письмо, коему первое служило оберткою. Я узналъ руку Полины . . . Она ко мнѣ пишеть! — сказала я съ восхищеніемъ. Сердце мое сильно забилося. Больше сна разъ перечитываль драгоценныя сіи строки. . . . и шошчасъ рѣшился. —

Здѣсь прерывающіяся записки Графа Стефано, и недосказокъ сей ничемъ инымъ не лѣзя замѣнишь, какъ только повѣствованіемъ монаха. Безъ него всѣ прочіе случаи остались бы неизвѣстными читателю, ибо они сокрыты были и отъ самаго Графа до того времени, какъ получилъ онъ чрезъ духовника своего сіе повѣствованіе, писанное рукою одного изъ его собратій. Графъ самъ приложилъ сію рукопись къ своей исторіи: я нашелъ оную межъ его бумагами, и здѣсь помещаю, какъ въ приличнѣйшемъ для нее мѣстѣ.

Уже болѣе двадцати пяти лѣтъ, какъ начинается повѣствованіе монаха, занимаю я мѣсто духовника въ обители Св. Колумба. Должностіе сія не маловажна если исправляюшь ее съ надлежащимъ раченіемъ.

Я знаю, что многія изъ моихъ собратій умѣюшь облегчать свой трудъ, и счищаюшь что все исполнили, чего

требовало ихъ званіе; если отслужили обѣдню, проговорили на кафедрѣ Богословскую рѣчь, весьма длинную, весьма задушевную, выслушали на духу всѣхъ монахинь, сказали нѣскольکو ушѣшищельныхъ словъ своимъ исповѣдницамъ и дали имъ разрѣшеніе отъ грѣховъ; довольны будучи сами собою, они потомъ забавляющся разсказами стариць. Но я всегда полагаю подобныхъ служителей вѣры главною причиною презрѣнія, оказываемаго монахамъ свѣтскими людьми.

Вступивъ въ духовное званіе, я имѣлъ счастье понасть на руки челоуѣку умному и просвѣщенному наставнику молодыхъ людей находящихся подъ искусомъ въ монастырь нашемъ. Сей почтенный мужъ имѣлъ истинное благочестіе, и будучи прямого и ошкровеннаго нрава, ненавидѣлъ лицемерство и суевѣріе; однимъ словомъ, умъ правильный и сердце не причастное пороку, дѣлали его образцемъ и славою всѣхъ людей одного съ нимъ сана.

рапья проникнуть въ сокровеннѣйшіе изгибы ихъ душъ чѣмъ располагашь имъ по своей волѣ. Всякій челоуѣкъ имѣеть особенное свойство, особенный образъ мыслей и особенныя горести: но что можетъ быть смѣшнѣе, какъ видѣть въкошорыхъ изъ собратій нашихъ, мнящихъ управлять поступками и совѣстью другихъ, въ то время какъ сами они не имѣють познанія, кромѣ чтенія церковныхъ книгъ; во всѣхъ скорбяхъ подають они одно и тоже утѣшеніе, не приравливаясь ни къ склонностямъ, ни къ обстоятельствомъ шѣхъ, кои къ нимъ прибѣгають. Такимъ образомъ утѣшенія и совѣты ихъ не производятъ никогда желаемого дѣйствія, и причиною тому презрительное ихъ невѣжество. Но когда достойный Пастырь учившися другомъ своихъ прихожанъ, когда заслужишь онъ ихъ довѣренность, что долженъ онъ имѣть главною цѣлю, когда совершенно познаеть свойство каждаго, и чѣтая въ душахъ ихъ, научишся опгадывать са-

мыя шайныя ихъ помышленія: колы велико его надъ ними вліяніе! — Его совѣты почипающа законами; бальзамъ утѣшній его излѣчаетъ всѣ равныя каждыя видипь въ немъ друга, подпоры, опці; всѣ сердца лешащъ къ нему на срѣшеніе. Когда онъ говоритъ, то всѣ утѣрены, что истина исходитъ изъ устъ его; когда съ кротосцію наказываешъ, то всякій стараетъ ся исправитъ ся, чпобъ заслужитъ его дружество. Я не могу описати тебѣ внутрѣннихъ наслажденій подобнаго мужа; уваженіе, почщеніе и любовь, доставляющъ шрудамъ его самую лесціную награду.

Таковы были уроки мудраго моего наставника Рѣдкій мужъ! опытъ многократно мнѣ доказывалъ, сколь сужденія его были справедливы. Онъ уже не существуешъ болѣе, прахъ его покоишся на кладбищѣ нашемъ, всѣ предели его забвенію, но совѣты его и память навсегда останупся въ сердцѣ моемъ.

И такъ слѣдуя наставленіямъ его, я всего болѣе старался пріобрѣсть познаніе людей, но научился также съ нимъ философіи и практической нравственности.

Вступивъ въ церковное званіе, сдѣлавъ былъ священникомъ одной малой деревни; тамъ употребилъ я свои владѣнія къ пользѣ прихожанъ моихъ, непрестанно стараясь распроспирывать оныя; Спустя три года получилъ мѣсто проповѣдника въ вѣкошоромъ городѣ. Поселене съ горестію со мною разстались; они любили меня какъ отца. Прощаясь съ ними, я видѣлъ неприятныя слезы, текущія по лицу каждаго. Въ новой своей должности, научился познавать другаго рода людей, но мнѣ весьма трудно было, снискавъ довѣренность городскихъ жителей. Однакожь наконецъ достигъ до того, что сдѣлался любимъ и ими; хотя не было въ нихъ той искренности, того чисто-сердечія, которое имѣли добрые мои поселене. Потомъ исправлялъ многія

другія должности и наконецъ получилъ мѣсто духовника монахинь обители Св. Колумбы. Новое поле открылось тогда предо мною, и я имѣлъ случай, узнать женскія сердца. Слышалъ признавія женщинъ всякаго сословія и всѣхъ различныхъ нравовъ; отъ крестьянки до знатнѣйшей госпожи, отъ младенца до самой дряхлой старухи, отъ чистѣйшаго существа до величайшей грѣшницы — во всѣхъ вѣшалъ сходныя черты означающія свойство сего пола.

Въ опѣнкахъ монастырскихъ, гдѣ тайная горестъ свидѣтель невинныхъ жертвы, произнесшія обѣты, споль прошивцыя цѣли, для коей оны были созданы; гдѣ природа споль жестоко мститъ за кляшны, данныя у подножія олтарей и внушенныя суевѣріемъ, или обманутою гордостію; тамъ гдѣ лицемеріе запрещаетъ проливать слезы раскаянія, гдѣ ослабѣвшій разумъ сражается споль невыгодно съ бунтующими чувствами; тамъ, говорю, я сдѣлалъ спранныя замѣчанія, которыя бы со-

крылись отъ взоровъ челоуѣка не спавшагося узнатьъ сердце подобныхъ себѣ; ибо въ семь мѣстѣ хотя духовникъ и видишь всѣ души предъ собою открытыя, но должно умѣть чинать въ нихъ, или подвергнешся частымъ ошибкамъ. Сіи сильныя побужденія всемогущей природы, отъ коихъ каждая изъ сихъ несчастныхъ ищетъ освободить себя, занимаясь хладными монашескими упражненіями, сіе непреодолимое стремленіе къ удовлетворенію тщеславныхъ желаній и сокрытыхъ подъ личиною ревностнѣйшей набожности; сіи вѣчныя боренія съ снрспями, коихъ никогда не льзя (удовлетворить и) удовольствоваться, производятъ надъ молодыми монахиими опаснѣйшее дѣйствіе; многія умираютъ въ изснупленіяхъ спрашнаго опчаяніа. Но въ то время, какъ однѣ изъ нихъ предавы лютой борбѣ, другія укрощившія съ помощью лѣтъ пылкость свою, опмцаютъ за преждепереннныя спраданія, огорчая юныхъ подругъ своихъ злобными примѣчаніями, подозрѣніями, наговорами и сплешнями.—

Исправляя въ печеніе двадцати пяти лѣтъ должность духовника Урсулинскихъ монахинь, я часно бычалъ свидѣшелемъ шакихъ случаевъ, которые бы самому мнѣ показались невѣроятными ешьля бы не въ мѣихъ глазахъ произошли. Многія ужасныя тайны погребены въ сердць моемъ, и не могушь изъ онаго выдши, ибо я клялся хранить вѣчное молчаніе. Но я могу отккрышь вѣкопоторыя, не нарушая никакой клятвы; и приключеніе, которое я камѣрень описашъ шеперь въ числѣ сихъ послѣднихъ. Особа, представлявшая главное лице въ сей исторіи, предосшавила мнѣ на волю, скрышь или разгласишь оную, и шакъ я могу вамъ сообщишь, не опасаясь ни чьихъ укоризнъ. Произшествіе сіе занимаешъ не нѣсколько часовъ, или дней, но многіе годы.

Я пользовался довѣренностію и дружбою всѣхъ монахинь, а особливо насшоятельница: она ни начшо не рѣшалась, не косовѣшовавъ со мною.

Въ одне утро на канунъ праздника Богородицы, пришли звать меня отъ имени Игуменьи. Пришедъ въ монастырь привратница ошвела меня въ ризницу, и просила шуть подождать, покуда она обо мнѣ доложитъ: сіе показалось мнѣ очень странно, ибо я часто посѣщаль монастырь, и всегда вводили меня прямо въ приемную. Черезъ нѣсколько минутъ появилась игуменья; она извинялась, что заставила меня ждать въ ризницѣ, примолвя, что въ приемной находится незнакомая женщина, въ разсужденіи кошорой она бы желала со мною посоветоваться. Окончивъ извиненія и обыкновенныя привѣтствія, она начала свое повѣствованіе слѣдующимъ образомъ: Сего дня по утру Преподобный ошець, привратница ошперевъ на зарѣ ворошы, увидѣла молодую дѣвушку сидящую на камнѣ близъ церкви, и копорая, казалось, всю ночь шуть провела. Она спросила ее, что ей надобно. Незнакомка ошвѣчала, что ей хотѣлось бы войти въ монастырь. А кого желаше

Видѣть, спросила приврашница? Я ни съ кѣмъ незнакома, ошвѣчала молодая дѣвушка, а желала бы вступити въ монастырь въ званіи монахини, бѣлицы или хопя служавки. Приврашница привела ее ко мнѣ, и она мнѣ поже самое повторила. Я сказала ей, что у насъ нѣтъ не заняшаго мѣста, что мы сверхъ положеннаго числа никого не принимаемъ и къ помужь есть нѣкоторыя предварительныя обряды, которыхъ мы пресшудити не можемъ. Ошвѣтъ мой очень огорчила незнакомку. Она бросилась къ ногамъ моимъ, проливая источники слезъ, и закланала меня, принявъ ее, говоря, что она оставлена цѣлымъ свѣпомъ, и если я ее ошвергну, то по выходѣ изъ монастыря, она принуждена будети оставити оный.

Я пришла въ замѣшательство, и крайне удивлялась, что молодая прекрасная дѣвушка имѣла столь сильное желаніе: заключити себя въ монастырь. На лицѣ ея видно было твердое намѣреніе исполнити свой обѣщъ, и для того

я просила васъ придти Преподобный отецъ , чтобъ посовѣтовать мнѣ къ семь дѣль. Она еще въ пріемной комнатѣ , плачетъ и съ шрепешомъ ожидаетъ моего отвѣта.

Прежде , нежели объявлю свое мнѣніе , нужно , чтобъ я увидѣть и поговорилъ съ сею молодою особю.

Игуменья отвела меня къ ней ; и я явель гораздо болѣе , нежели ожидалъ . Я увидѣть молодую прекрасную дѣвушку , въ видѣ ея было вѣчно благородное и величественное ; чего самыя горести не могли помрачить . Черные глаза омоченные слезами , имѣли прорапельную выразительность ; длинные волосы упали большими локонами , на прелестнѣйшую грудь . Скромное ея одѣаніе показывало простую мѣцянку , но видъ , осанка означали женщину знатнѣйшаго происхожденія . Глубокая горестъ изображающаяся въ ея взорахъ Удосновѣрила меня , что несчастіе привело ее къ намъ . Я началъ съ нею говорить .

Подлинно ли имѣете вы намѣреніе вступить въ монастырь?

Она отвѣчала мнѣ твердымъ голосомъ:
Желаніе сіе во мнѣ непреодолимо.

Но что понуждаетъ васъ къ такому поступку? Бѣднота, или несчастная любовь, минувшее своеправіе, или рѣшительная склонность къ уединенію?

Ничто меня къ тому не побуждаетъ; какъ только внутреннее чувство, и желаніе посвящать дни свои Богу, служа ему въ мирѣ и тишинѣ.

Такое намѣреніе благородно. Но увѣрены ли вы въ посноянствѣ своихъ мыслей?

Годъ моего искуса вамъ сіе докажетъ.

Но развѣ нѣтъ для васъ въ сѣбѣ другаго убѣжища?

Для меня нѣтъ пріятнѣйшаго.

Не равно ли вы можете служить Богу и въ другомъ монастырѣ?

Нѣтъ! я уже это сказала Игуменѣ.

И я ничего болѣе не могъ узнать, но хотѣвъ сдѣлать новый опытъ,

продолжалъ : если бы не взирая на желаніе ваше ; зѣвшіе законы не позволяли васъ принять? —

Тогда положеніе мое было бы ужасно! Чтожь бы вы сдѣляли?

Я бросилась бы въ первую рѣку, копорую бы нашла на своей дорогѣ.

И такъ опчяніе привело васъ ; опчяніе заставляешъ васъ , погребсти себя въ монастырѣ? Такая жершва не можешъ быть пріятна Богу.

Ахъ ! не называйте это опчяніемъ ! Но если бы и подлинно оно побуждало меня прибѣгнувъ къ вамъ , то послѣдствіе вамъ докажетъ , что въ семь новомъ союзіи я съ радосшію буду слушать Творцу своему.

Но не можно ли споль же хорошо слушать Ему и внѣ стѣнъ монастырскихъ ? Конечно можно.

Чтожь заставляешъ васъ споль сильно желашъ, быть привящою въ сію общель?

То, что я не могу болѣе жить въ свѣтѣ, ничто меня къ .Оному не привязываетъ.

Не уже ли учинили вы такое преступленіе, за которое обществу васъ отвергаетъ.

(Улыбаясь) Преступленіе! Нѣтъ! я приношу. Богу сердце чистое.

Но друзья ваши не опорочатъ ли сего вамѣренія?

У меня нѣтъ друзей.

Или родныя? на примѣръ, отецъ, мать!
Я не имѣю болѣе отца.

А мать ваша?

Уже давно не существуетъ.

Но кто вы?

Я бѣдная сирота, пришла изъ Низы, отецъ мой былъ купецъ, который умеръ въ крайнемъ раззореніи.

Имя ваше?

Живеша Мачини.

Извините вопросъ, который долженъ я еще вамъ сдѣлать: сохранилиль вы непорочность нравовъ?

Вы можете не полагаться на слова мои, но я уверяю васъ, что душа моя чиста предъ Господомъ.

По окончаніи разговора сего я совѣщала Игуменью приваить ее въ число бѣлицъ.

Молодая особа на колѣняхъ насъ благодарила. Когда она вышла, то настоятельница сказала; мнѣ не случилось еще принимашь въ свой монастырь дѣвушку, кошорая бы съ такимъ жаромъ меня благодарила. Что вы о ней думаете?

Признаюсь, опшѣчалъ я ей, что не могу еще сдѣлать никакого въ разсужденіи ея заключенія; только мнѣ кажется, что склонность сія къ монашеской жизни привужденная.

Я сама вашего мнѣнія; но очень вамъ благодарна, что вы присовѣщовали мнѣ удержашь; еслибы мы ее опвергли, то она и въ самомъ дѣлѣ могла бы исполнить свое намѣреніе, кивувшись въ рѣку, и тогда бы я сочла себя участницею сего преступленія.

Время покажетъ намъ , какое должны мы имѣть мнѣніе о сей таинственной женщинѣ , сказалъ я прощаясь съ игуменьей.

Въ слѣдующее утро , я вошелъ въ ризницу , чтобы приготоовишься , служишь обѣдню , и увидѣть игуменью , идущую ко мнѣ съ радостнымъ видомъ : какъ довольна я вчерашнимъ своимъ пріобрѣтеніемъ , сказала она мнѣ : я никогда не видывала столь любезной дѣвушки : она трудолюбива , терпѣлива , разумна , и по видимому , получила отличное воспитаніе . Что доказываетъ , что состояніе ея несравненно выше , нежели какъ она о себѣ сказываетъ , и я рѣшилась освободя ее отъ грубыхъ работъ включить въ число клирошанекъ .

Она сдержала слово , и благодарность Жанетты была безпредѣльна . Съ сей минуты учинилась она предметомъ моихъ наблюденій .

Она была весьма дѣятельна , и не только повиновалась по первому знаку

но еще предупреждала желанія другихъ. Послушая крошкѣ со всѣми своими подругами, она старалась угодишь имъ, и снискашь ихъ дружбу, чрезъ что приобрѣла общее уваженіе; однакожь она не сдѣлала никакой особенной связи: обходясь ласково со всѣми сестрами, она не прилѣплялась ни къ одной?

Она все время свое раздѣлила на полезныя упражненія, и на минушу не была въ праздности. Въ церковь молилась она въ такомъ усердіи, и такою безприщорною набожностію, что игуменья была шѣмъ сильно пронута, и представляла ее образцемъ для всѣхъ монахинь. Часыжь, копорые не посвящала она на молитву, опредѣлены были на рукодѣлье. Она превосходила всѣхъ своихъ подругъ въ шитьѣ и прочихъ женскихъ работахъ, и занималась даже оными въ минушы ошдохновенія, когда всѣ другія гуляли въ саду, или забавлялись невинными играми. Тщепно игуменья Уговаривала ее вмѣшаться въ сію шолду, она просила, чтобъ позволили ей

оставалась въ своей комнатѣ и може сказать во всей силѣ сего выраженія что она лижалась только монастырскимъ воздухомъ.

Мы все надѣялись, что кто нибудь придетъ о нем осведомляясь, но ошиблись, ибо никто не являлся. Она часто говорила мнѣ, что не имѣетъ въ свѣтѣ никакихъ связей; я наконецъ съ томъ утѣрился. Мы объявили въ публичныхъ вѣдомостяхъ о прибытіи ея къ намъ, и сдѣлали о ней обстоятельное описаніе, но все сіе ни къ чему не послужило. Чѣмъ болѣе разсматривалъ я сію молодую особу, тѣмъ менѣе могъ понять ея. Сначала я думалъ, что она увеличивала ревность свою къ вѣрѣ; но наблюдая всѣ ея поступки, увидѣлъ благочестіе ея было истинное. Когда мы имѣли между собою разговоры, то я всегда находилъ въ ней здравый умъ и просвѣщеніе, и хотя не открывалъ ей своего мнѣнія о суевѣріи и ханжествѣ, однако говорилъ съ нею искреннѣе нежели съ другими. Она показывала

примѣтное удовольствіе , когда я посѣщала ее , и я самъ старался чаще съ нею видѣться , въ надеждѣ , что рано или поздно она сама себя измѣнитъ , и вѣришь мнѣ все свои тайны . Но она столь искусно умѣла отклонять разговоръ отъ обстоятельствъ прежней своей жизни , что я не могъ ничего болѣе узнать , какъ только то , что она сначала намъ о себѣ объявила . Даже счелъ себя позволеннымъ распросить ее во время исповѣди , но покушеніе сіе столь же было неудачно . По прошествіи года , Жаннета вдругъ впадала въ задумчивость . Она половину дня проводила въ церкви передъ образомъ скорбящей Богоматери , и молилась съ такимъ благоговѣніемъ , что не чувствовала ничего вокругъ нее происходящаго . Я часто во время ея молитвы подходилъ къ ней , и долго подле нее стоялъ , не бывъ ею замѣченъ . Видъ ея тогда имѣлъ въ себѣ нечто необъяснимое . Такимъ образомъ ищущъ Слѣдствій , когда имѣюшъ они видѣніе , и

находилась въ восторгѣ. Взоры ея устрѣ-
 женныя на скорбящую Б-городницу,
 почли непримѣтное движеніе губъ ея,
 лице горяще огнемъ нѣбы, все доказыва-
 вало, что она совершенно отчуждена
 міра, и находилась въ присутствіи
 своего Бога. Грудь ея сильно воздыма-
 лась, глубокіе вздохи вырывались, бремя
 тяжостное удручало душу ея. Въ семь
 положеніи имѣя руки воздѣтыя къ обра-
 зу, она казалась, слышала нѣкій гласъ.
 Такимъ образомъ проводила она цѣлые
 дни и ночи на коленяхъ предъ Бого-
 машерью, не бывъ ничемъ развлекаема
 и не дѣлая ни малѣйшаго движенія, она
 походила на безучастивенный и неоду-
 шевленный трупъ. Къ помужь день
 оло дня становилась печальнѣе, мрач-
 нѣе и молчаливѣе. Игуменья и всѣ мо-
 нахини не преспавали ей удивляться—
 ставили ее примѣромъ благочестія и
 добрыхъ вравовъ А я? я
 шрепешала объ ея разсудкѣ. Въ сихъ
 шполь продолжительныхъ и жаркихъ
 молишвахъ, въ сей нечувствительности

во всѣмъ окружающимъ ее предметамъ въ очевидномъ умаленіи силъ ея, и въ мрачномъ ея безмолвіи, видѣлъ не сомнѣшьяныя признаки расстройки ума, обыкновеннаго слѣдствія излишней набожности: Суевѣріе и невѣжество спарицы не позволяли мнѣ открывать своихъ мыслей, но совесть жестоко меня укоряла за то, что не искалъ я средствъ спасти ея разумокъ. — Предупредивъ о помѣ игуменью, я очень опасался, чтобъ молчаніе мое не учинило потомъ безполезными всѣ способы къ исцѣвленію ея.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.